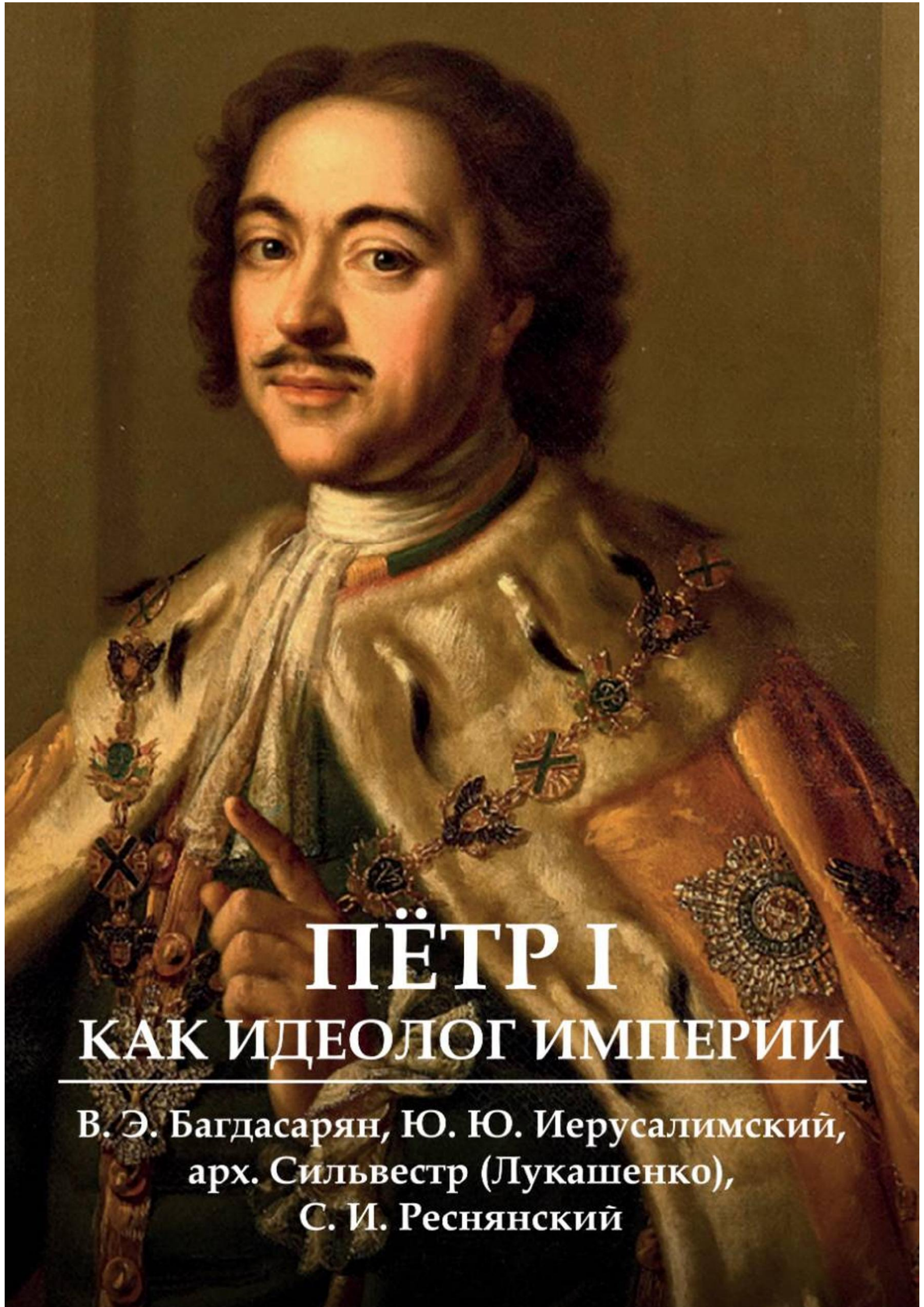

ПЁТР I

КАК ИДЕОЛОГ ИМПЕРИИ

В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский,
арх. Сильвестр (Лукашенко),
С. И. Реснянский

Сергей Реснянский

Пётр I как идеолог Империи

«Автор»

2026

Реснянский С. И.

Пётр I как идеолог Империи / С. И. Реснянский — «Автор»,
2026

Кем был Пётр Великий — гением-реформатором или разрушителем традиций? Авторы этой монографии, историки и архимандрит, предлагают взглянуть на первого российского императора под неожиданным углом. Они доказывают, что Пётр был не просто царём-завоевателем, а идеологом, создавшим саму идею России как великой Империи. Вы узнаете, как петровские реформы повлияли на всё — от церковного раскола до геополитики. И почему имперская матрица, заложенная три столетия назад, определяет вызовы, стоящие перед Россией сегодня. Это не просто книга о прошлом. Это ключ к пониманию того, как Россия отвечает на внешнее давление — и сегодня, и всегда.

© Реснянский С. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	8
Актуальность темы	9
Методология и методы	10
Ценности и смыслы политики Петра Великого	11
Отечественные историки и писатели о Петре I	12
Пётр I как культурный герой	18
Гамлетовский вопрос Петра Великого	19
Дискуссионные разломы историографического дискурса	21
Историографическое моделирование	22
Учебная версия: Историко-культурный стандарт	29
Властный дискурс	30
Общественное мнение: образ Петра I в историческом сознании российского социума	31
Иностранные языки и круг чтения	35
Россия как «новая Голландия»	36
Европа протестантская. Пётр I – противник католицизма	38
Голландские протестанты	40
Англиканство и религиозная жизнь Англии	41
Теория «общего блага»	43
Теория общественного договора	45
Теория естественного права	47
Влияние Пуфендорфа	49
Исаак Ньютон	51
Джон Локк	53
Готфрид Лейбниц	54
Камерализм	56
Философия истории: теория круговорота	57
Новый мировоззренческий дискурс: деизм, пантеизм, атеизм	58
Пётр I и масоны	59
Внешнеполитический контекст – война Священной лиги	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Реснянский, Вардан Багдасарян, архимандрит Сильвестр (Лукашенко), Юрий Иерусалимский Пётр I как идеолог Империи

Глава

В. Э. Багдасарян Ю. Ю. Иерусалимский Архимандрит Сильвестр (Лукашенко) С. И. Реснянский

Пётр I как идеолог Империи: монография / Багдасарян В. Э.,

Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр, арх. (Лукашенко С. П.), Реснянский С. И. – Ярославль: Шукаева и семья, 2026. – 388 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами – книга, посвящённая одной из центральных тем российской истории – эпохе великого преобразователя Петра I. Её авторы, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, архимандрит Сильвестр (Лукашенко), С. И. Реснянский, давно изучают Петровскую эпоху, имеют много научных работ по данной проблематике. Так, несколько лет назад ими была издана монография «Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства», заложившая основу для нового, ещё более пристального и многоаспектного изучения феномена петровских преобразований. Предлагаемая книга – не просто продолжение, а результат глубоких размышлений авторов, детальных уточнений и источниковедческих исследований, в которых тема раскрывается в полном объёме своей исторической значимости.

Личность императора Петра Великого является одним из краеугольных камней в фундаменте российской государственности. Эпоха его царствования стала исторической развилкой цивилизационного масштаба, моментом судьбоносного выбора модели развития государства, последствия которого определили траекторию развития России на столетия вперёд. Эта книга посвящена анализу именно этого выбора: не просто хронике исторических событий, а исследованию логики, смыслов и глубинных причин, которые позволили России совершить беспрецедентную трансформацию и утвердиться в качестве мировой державы.

Значение Петра Первого для истории России невозможно переоценить. Именно его стратегическим гением и неукротимой энергией заложены основы современной российской культуры, науки, образования и военного искусства. Под руководством Петра I Россия обрела мощный военно-морской флот и непобедимую армию, чьи блистательные победы открыли стране выход к морям и утвердили её новый международный статус. Масштабные реформы в области государственного управления, экономики и просвещения не просто изменили отдельные сферы жизни, но совершили глубинный переворот в общественном сознании, придав динамику всему последующему историческому процессу.

Всё это ярко проявилось и в истории Ярославского края, тесно связанного с именем Петра I. Государь не раз посещал Ярославль, Ростов и Переславль-Залесский, черпая в них вдохновение для своих великих начинаний. Особое значение для юного царя имело Плещеево озеро под Переславлем, где он заложил основы русского флота. Именно здесь была создана «потешная флотилия» – первые корабли, с которых началась история регулярного военного кораблестроения России. Петровские преобразования коснулись и экономической жизни края. Богатые ярославские купцы из-за падения доходов от торговли в XVIII веке начали вкладывать средства в промышленность. Яркий пример тому – мануфактура, основанная в 1722 году при поддержке царя купцами Затрапезновыми. В дальнейшем она стала крупным предприятием, которое славилось своими полотняными изделиями далеко за пределами региона, и получила название Ярославская Большая мануфактура (ЯБМ), во второй половине XIX века это предприятие вошло в десятку крупнейших предприятий России. ЯБМ напоминало ярославцам о Петровской эпохе – времени труда и смелых проектов, устремлённых в будущее.

На средства Ивана Затрапезнова в Ярославле после смерти Петра Великого в память о первом российском императоре был возведён храм апостолов Петра и Павла (апостол Пётр являлся небесным покровителем царя). Храм Петра и Павла – уникальный памятник петровского барокко, вдохновлённый одноименным собором Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Этот храм, с его устремлённым ввысь шпилем, стал зримым символом почитания и памяти ярославцев о императоре-реформаторе.

Он и сегодня возвышается среди зелени старинного парка, напоминая о той эпохе, когда Ярославский край вместе со всей Россией стал ареной больших государственных перемен.

Центральный тезис, который последовательно доказывают авторы, заключается в том, что Пётр I осуществил имперскую легитимацию России на всех уровнях: от геополитического и управленческого до символического и мировоззренческого. Он выступил не просто как царь-реформатор, а как идеолог Империи, сформулировавший и воплотивший в жизнь принцип: Россия по своему духовному и геополитическому назначению, по масштабу своей цивилизационной миссии не может быть ничем иным, кроме как империей. Как отметили авторы, в правление Петра I Россия впервые утвердила себя как могущественная держава, способная не только к адаптации чужого опыта, но и к производству собственных смыслов, ценностей и форм организации.

Представленная вниманию читателей книга – серьёзный вклад в понимание не только Петровской эпохи, но и природы российской власти, государственности и цивилизационного пути. Она предлагает читателю не готовые ответы, а мощный интеллектуальный инструментарий для осмысления связи времён и вызовов, стоящих перед современной Россией, наследницей великой Империи, фундамент которой заложил Пётр Великий.

Ректор Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, председатель Ярославского регионального отделения Ассоциации юристов России А. В. Иванчин

ВВЕДЕНИЕ

Прошло четыре года после выхода в свет монографии «Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства» (Ярославль. 2022)¹. Существенные изменения во внутренней и внешней политике России, произошедшие в 2022–2025 годах, специальная военная операция на Украине усилили внимание к рубежным событиям отечественной истории, к которым, без всякого сомнения, относится и время Петра Великого. Всё это побудило кардинально углубить данное исследование, внести новый документальный материал, большой пласт дополнений, уточнений и биографических справок о представленных на его страницах персонажах. Новая монография «Пётр I как идеолог Империи» предлагается вниманию всех интересующихся историей российского государства-цивилизации – от специалистов до широкого круга читателей.

Глава 1 ПЁТР I И ЕГО ЭПОХА: АКТУАЛЬНОСТЬ, МЕТОДОЛОГИЯ, УРОКИ

В 1682 году население Земли в очередной раз наблюдало приблизившуюся к нашей планете комету Галлея. Именно тогда она и получила свое название в честь английского астронома Эдмунда Галлея². Движение кометы исследовал также Исаак Ньютон³, поэтому её называют иногда именем великого физика. Комету издревле считали предвестницей земных потрясений, знамением катаклизмов. В России в 1682 году на трон вступил десятилетний царь Пётр Алексеевич, против которого был организован стрелецкий мятеж, установивший дуумвират⁴. Страна вступила в эпоху грандиозных перемен, сопряжённых, как всегда, с большими социальными катаклизмами.

Актуальность темы

Петровская эпоха – время преобразований во всех сферах жизни государства, в результате которых утвердилась абсолютная монархия. Состоялась централизация управленческого аппарата Российской империи, была подготовлена стройная иерархия гражданских и воинских учреждений. Одновременно с этим шла бюрократизация российского общества. В это время был создан военно-морской флот, а проведённые в армии реформы усилили её боеспособность. Произошли перемены в области промышленности: увеличилось мануфактурное производство, быстрыми темпами развивалась металлургия, складывались новые промышленные районы и пр. Активно развивалась внешняя торговля, проводилась политика меркантилизма и протекционизма. Возросло количество регулярных контактов с иностранными государствами.

В начале XVIII века Россия имела ограниченный выход к морям на всех направлениях, что стало причиной активизации внешней политики страны. Борьба со Швецией за выход к Балтийскому морю считалась приоритетной для государства. Между тем стремление к укреплению южных границ и выходу к Чёрному морю подтверждалось организацией Азовских походов, а также рядом внешнеполитических акций на Южном направлении.

Восточное направление политики государства остаётся наименее изученным. Однако именно Пётр I изучение севера Тихоокеанского региона, начавшееся в XVII веке, преобразовал в целенаправленную государственную политику по открытию и освоению тихоокеанских территорий. Восточная политика была как внешней, так и внутренней, поскольку сочетала в себе международные отношения в регионе и освоение территорий государства с последующим присоединением новых заморских владений. Под ней понимались не просто Азия и страны Востока, но и север Тихого океана, его открытие и освоение. Это единственное направление, которое было сопряжено с осторожной дипломатией, проходило в основном мирным путем, а его результаты имели далеко идущие последствия для России с точки зрения осознания её идентичности⁵.

Петровское правление явилось одним из переломных периодов в истории российской государственности. Время правления Петра Великого стало переходом к новой модели государствоустройства, характеристики которой даются вплоть до наших дней как со знаком плюс, так и со знаком минус.

Представляется необходимым рассмотреть причины и цели проведения Петровских преобразований. Актуальность исследования обосновывается важностью Петровской эпохи для дальнейшего понимания многих процессов, происходивших в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации, вплоть до наших дней. Новизна указанной темы обусловлена комплексным подходом, который позволяет рассмотреть проблематику с разных сторон и изучить мало освещённые в исследовательской литературе процессы.

Россия сегодня вступила в острую фазу цивилизационного конфликта с Западом. Ввиду того, что этот конфликт цивилизационный, принципиально важно понимать, на какие образы прошлого нам следует опираться. В ситуации 1941 года государственная власть смогла дать такой перечень героев, соединив дореволюционную и советскую историю. Какие исторические герои составят идеологический нарратив современной России? С кем-то, например, Александром Невским⁶, Дмитрием Пожарским⁷ или Георгием Жуковым⁸, всё предельно ясно. А вот как быть с Петром I? Ведь он, с одной стороны, – победитель шведов⁹, а с другой – западник, европеизатор. Можно ли опираться на исторических западников в ситуации борьбы с Западом? Попытаемся разобраться в западничестве Петра I. Само по себе понятие «западничество» очень абстрактное. Было бы целесообразно конкретизировать его применительно к воззрениям Петра I.

Методология и методы

Для полного раскрытия темы представляется необходимым использовать совокупность принципов и методов исторического исследования. Методологическую основу проводимого исследования составляет цивилизационный подход, предполагающий рассмотрение России как самодостаточной историко-культурной общности, обладающей собственным онтологическим ядром, системой ценностей, типом государственности и формой исторического времени. В рамках данного подхода Россия понимается не как территориальное или политическое образование, а как государство-цивилизация, в которой историческая преемственность имеет не столько институциональный, сколько глубинно смысловой характер¹⁰. Преобразования, идеология и геополитика Петра Великого рассматриваются в контексте истории России как государства-цивилизации.

Уделяется внимание методу исторических параллелей, как способу историософского анализа, учитывающему цикличность и ритмику цивилизационного воспроизводства. Выбор цивилизационного подхода и метода исторических параллелей обусловлен не только исследовательской установкой, но и самой природой объекта – России как цивилизации, исторически воспроизводящей саму себя в условиях внешних вызовов и мобилизационных трансформаций.

При написании монографии были использованы принципы историзма, объективности и системного анализа. Изучаемые события рассматривались в их развитии и взаимосвязи друг с другом, внимание уделялось их предпосылкам, что позволило установить совокупность причин и значимость Петровской эпохи для дальнейшего развития России.

Широко применялись традиционные методы исследования: сравнительный, описательный и метод источниковедческого анализа. Благодаря использованию данных методов удалось на основе исторических источников изложить факты по проблематике изучаемой темы, при этом отметив уникальность времени Петра Великого и выделив общие черты развития российского государства с общемировыми тенденциями.

При рассмотрении исследовательских вопросов были использованы общенаучные методы (анализ, синтез), теоретические исторические методы (биографический, ретроспективный), методы специальных исторических дисциплин (историческая география и др.) и статистики. В результате внутренняя и внешняя политика первого российского императора, его идеология были изучены с точек зрения внутренних потребностей развития России как государства-цивилизации, геополитической обстановки, международных отношений, сложившихся политических, экономических, научных обстоятельств, а также значения личности в мировой истории, прежде всего Петра Великого. Применение вышеназванных методов позволяет качественно проанализировать информацию, представленную в письменных источниках.

Методика исследования опирается на принципы изучения Петровской эпохи, предложенные авторами данной книги в вышеупомянутой монографии, посвящённой 350-летию первого российского императора¹¹.

Устоявшиеся взгляды на Петра I как западника и направленности его реформ на европеизацию России в наши дни подвергаются ревизии. Прежние подходы, сформированные в дискуссиях славянофилов и западников, великодержавников и антитоталитаристов, требуют пересмотра. Вероятно, в ближайшей перспективе следует ожидать выдвижения новых в методологическом отношении подходов к фигуре Петра Великого.

Ценности и смыслы политики Петра Великого

Многомерность фигуры Петра I позволяет рассмотреть его деятельность в фокусе аксиологических, социальных, геополитических трансформаций. Такого рода многомерное рассмотрение предпринимается на страницах данной книги путём анализа петровской идеологии.

Напряжение может вызвать уже сама постановка вопроса об идеологии Петра I. Приверженцы позиции П. Н. Милюкова¹² скажут, что никакой петровской идеологии быть не может, так как у государя вовсе не было внятного замысла. Но прав ли был в своих оценках Петра I лидер кадетской партии? Может быть, дело не в том, что идеология отсутствовала, а в том, что она не подходила под известные шаблоны? Конечно, Петр I часто не был последователен. Но означали ли эти непоследовательность и совершаемые ошибки отсутствие у него общих смыслов в реализуемой политике?

Неидеологичных государств не существует. У любого сообщества есть разделяемые им ценности и смыслы, а значит, есть и идеология. Другое дело, что государственные идеологии могут формироваться на разных основах – традициях, религиозном откровении, философском и политическом учениях, системе внешнего управления и др. Особо значимым становится идеологический фактор в периоды общественных трансформаций.

Посредством идеологии задаётся логика перехода от одного состояния государства и общества к другому. И, очевидно, такой идеологией был вооружен Петр I. Писавшие о нём учёные, литераторы и публицисты акцентировали внимание на другом – чертах характера, гениальности и патологиях, анекдотических историях. Недоставало понимания того, во что верил император, и верил ли вообще, каких ценностей придерживался, каких пытался достичь, какое государство хотел построить. Всё это в совокупности и составляет тему – Пётр I как идеолог Империи.

Отечественные историки и писатели о Петре I

Казалось бы, о Петре Великом написано огромное количество книг и известно всё. Однако, как это ни парадоксально, неизвестно главное – каковы были воззрения первого российского императора, в чём состояла суть выдвигаемой им идеологической повестки? Ответы на эти вопросы принципиально расходятся.

Многие вызовы петровского времени могут быть рассмотрены с учётом осмысления уроков истории применительно к современной эпохе. Петру Алексеевичу приходилось решать угрожающую суверенному существованию страны проблему технологического отставания России. Рецепт решения была им найдена в европейских заимствованиях. Однако заимствования технические были встроены в западный культурный контекст, экстраполяция которого создавала угрозу утраты цивилизационной идентичности России. Проблему ещё более обостряло возникшее противоречие между европейскими заимствованиями Петра и его борьбой с европейскими странами (Швецией, потом и Англией). В связи с цивилизационным ракурсом рассмотрения политики Петра I сохраняют актуальность вопросы о его церковной реформе и в целом об отношении к религии.

Конец XVII – начало XVIII столетия – период сохранявшейся доминации религиозного сознания в народе при тенденциях отхода от традиционных религий в сторону оккультизма и секуляризма среди элиты. И Пётр I, как человек своего времени, не мог не воспринимать тем или иным образом соответствующие течения мысли и столкновения между ними. Очевидно, что не сфокусированная на религиозных воззрениях доминирующая в современной отечественной историографии теория модернизации не вполне годится для реконструкции представлений человека петровской эпохи. Всё это побуждает обратиться к фигуре Петра I, соединив современный историографический дискурс с мировоззренческим контекстом соответствующего исторического времени.

Особое место занимает взгляд на петровскую деятельность в фокусе геополитики. Помимо западного направления геополитики, на которое обращалось приоритетное внимание (выход к Балтийскому морю¹³), существовали и другие геополитические вектора – южный, восточный и северный, освещаемые в предлагаемой читателям книге.

В отношении личности Петра I существует ряд стереотипов, вошедших в нарративы политических элит. В последние годы его образ всё чаще используется как жупел критики государства, которая ведётся с двух противоположных флангов. Для неославянофилов он – радикальный западник, губитель традиции и веры, противник русской старины. Ничего нового в этой позиции нет, она понятна и устойчива. А вот новые западники образ Петра I воспринимают иначе, чем западники XIX столетия. Для них он – создатель тоталитарной машины, диктатор, душитель свободы и инакомыслия.

Изменения образных характеристик императора – важная констатация идеологического сдвига. Пётр I перестал быть героем для западников. Отказ этот означает, что есть «нечто» в его фигуре, принципиально для них неприемлемое. И, вероятно, что это «нечто» может быть обращено против Запада. Наша задача в данном случае – подвергнуть ревизии стереотипы.

Необходимо ответить и на славянофильское обвинение, действительно ли Пётр I был противником Русской церкви и православной веры? И если царь не был православным, то что в религиозном плане представляли его воззрения? Попытаемся в рамках исследования сопоставить взгляды царя с каждой из имевших сравнительно широкое распространение на рубеже XVII и XVIII веков в России и Европе мировоззренческих систем.

Фигура Петра I получала во все времена не просто разные оценки, а оценки антагонистические, продуцировала раскол общественного мнения. Только от того, как человек относился к Петру I, происходило зачисление его в тот или иной политический лагерь. Вот лишь неко-

торые иллюстрации, отражающие мировоззренческий антагонизм восприятия людьми императора.

Традиция апологетического взгляда на Петра I была заложена фактически главным разработчиком идеологической линии императора Феофаном Прокоповичем¹⁴ – на тот момент епископом Псковским и Нарвским. Феофан уподоблял Петра библейским героям, обосновывая сакральность его фигуры для России.

«Что се есть? до чего мы дожили, о россияне? что видим? что делаем? – вопрошал иерарх и отвечал: – Петра Великого погребаем! не мечтание ли се? не сонное ли нам привидение? ох, как истинная печаль! ох, как известное наше злоключение! Виновник безчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямой сый отечества своего отец, которому по его достоинству добрии российстии сынове безсмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно ещё жить имущаго вси надеялися, – противно и желанию и чаянию скончал жизнь и – о, лютой нам язвы! – тогда жизнь скончал, когда по трудах, безпокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о Боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! о недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! не видяй сего, слеп есть, видяй же и не исповедуай, в жестокосердии своем окаменей есть. Но что нам умножать жалости и сердоболия, которые утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже есть ли великия его таланты, действия и дела воспомянем, ещё вящие утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргом неким, неким смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и какового, и коликаго лишились? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе могл явиться, никто в мире не надеялся, а о явшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную, адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же встающая на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления вся селенная, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоея, до предел, правдою полагаемых, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисеи твой, о Россие! не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимая оковы злодеяния! не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит и под ним главныя и частныя правительства, от него учрежденныя! не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопасности миролюбных и ко обличению свирепых! Воистинну оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаем, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидим был.

Се твой, Россие, Соломон, приемший от господи смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияющая и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; ещё же и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейскаго обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний

вид и наличие краснопретвореное, яко же отечество наше, и отвнутри и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкви российской, и Давид, и Константин. Его дело – правительство синодальное, его попечение – пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! Коликая ревности на суеверия, и лестническия притворы, и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Какое же в нем и желание было и искание вящего в чине пастырском искусства, прямейшаго в народе богомудрия и изряднейшаго во всём исправления!»¹⁵.

Апологетическая оценка Петру I была дана историком XIX века, одним из авторов теории, выраженной формулой православие – самодержавие – народность, М. П. Погодиным¹⁶. Будучи противником западничества, он при этом проводил апологию Петра, фактически преподносил его главным культурным героем страны: «...нынешняя Россия, то есть Россия европейская, – констатировал Погодин, – дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная,

Россия школьная, литературная – есть произведение Петра Великого. Какое бы явление в сих сферах гражданской жизни ни стали мы рассматривать, о каком бы учреждении ни стали мы рассуждать, все подобные исследования доводятся непременно до Петра Великого, у которого в руках концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на всё наше прошедшее и даже застит нам древнюю Историю, – которая в настоящую минуту всё ещё как будто держит свою руку над нами, и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли в будущем.... Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 Января, 1841 года. – Пётр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Пётр Великий велел считать месяцы от Января.

Пора одеваться – наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он.

Попадаете на глаза книга – Пётр Великий ввел в употребление этот шрифт, и сам вырезал буквы. Вы начнете читать её – этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный.

Приносят газеты – Пётр Великий их начал. Вам нужно искупить разные вещи – все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом, от соленых сельдей и картофеля, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом.

После обеда вы идете в гости – это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам – допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Пойдем в Университет – первое светское училище учреждено Петром Великим.

Вы получаете чин – по табели о рангах Петра Великого. Чин доставляет мне дворянство – так учредил Пётр Великий. Мне надо подать жалобу – Пётр Великий определил ей форму.

Примут её – пред зеркалом Петра Великого. Рассудят – по генеральному Регламенту.

Вы вздумаете путешествовать – по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо – Пётр Великий поместил Россию в число европейских государств и начал внушать к ней уважение, и проч., и проч., и проч.

Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпи-

тали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия – суть памятники его неутомимой деятельности и его гения.

Он видел всё, обо всём думал и приложил руку ко всему, всему дал движение, или направление, или самую жизнь. Чтоб теперь ни думается нами, ни говорится, ни делается, всё, труднее или легче, далее или ближе, повторяю, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок»¹⁷.

Резко негативную оценку давал Петру I Л. Н. Толстой¹⁸, замышлявший даже написание посвящённого императору романа. Писатель соглашается с оценкой фигуры Петра как фундаментальной, но видел в петровской политике корень всего современного зла: «С Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкие, и понятные нам ужасы русской истории. Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь 1/4 столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живых в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует, пьянствует, сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных членов и подобиями евангелий – ящиком с водкой славить Христа, т. е. ругаться над верою, коронует блядь свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына и умирает от сифилиса, и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему.

После него начинается ряд ужасов и безобразий подобных его царствованию, одна блудница за другой бесчинствуют на престоле мучает и губит народ и заставляет одних мучить других и воцаряется без всяких прав на престол, мужеубийца, ужасающая своим развратом блудница, дающая полный простор зверства своим переменяющимся любовникам.

И все ужасы – казни, убийство мужа, мучения и убийство законного наследника, закрепощение половины России, войны, развращение и разорение народа, всё забывается и до сих пор восхваляется какое-то величие, мудрость, чуть не нравственная высота этой мерзкой бляди. Мало того, что восхваляют её, восхваляют её зверей любовников.

То же с отцеубийцей Александром. То же с Палкиным. Всё забыто. И выдуманы несуществующие доблести и заслуги для отечества»¹⁹.

Л. Н. Толстой, будучи писателем, сгущал краски, руководствуясь не столько достоверностью источника, сколько установкой на демонизацию образа императора. Он был противником государства как института, поэтому укреплявший государственное начало Пётр I оказывался для него худшей фигурой российской истории.

Резко критично относился к Петру I и другой великий российский романист – Ф. М. Достоевский. Сообразно с общей традицией антипетровской критики особо отмечались претензии к Петру I в связи с его религиозной политикой. Достоевский писал о непонимании императором православия и религии в целом, который позволил себе вторгнуться в сферу юрисдикции Церкви. Фактически, как и в легенде о Великом Инквизиторе, Пётр осуществил попытку подчинить Христа Империи. Вызывала отвращение у писателя и личность императора. Достоевский награждал основателя империи такими, в частности, характеристиками, как «развратник нигилятина» или «изверг-сыноубийца»²⁰.

Важнейшим социальным последствием петровских реформ Достоевский считал раскол между народом и образованным классом. Отколовшись от народа и национальной культуры, образованное общество оказалось фактически отдельной общностью, государством в государстве. В дальнейшем эта идея об «отщепенстве» интеллигенции будет, в том числе с отсылкой к Ф. М. Достоевскому, раскрыта в сборнике «Вехи»²¹.

Однако Достоевским обнаруживалось и опосредованное позитивное значение петровских преобразований – осознание русскими своего всемирного значения. Замкнутость Московской Руси не могла дать такого осмысления. Потенциалы всемирной отзывчивости России

были раскрыты только в период Империи, когда русские предъявили Европе свои возможности быть европейцами, равно как они могли бы быть в Азии азиатами.

К более поздним критикам Петра относился И. Л. Солоневич²², считавший императора главным персонифицированным злом российской истории. «Пётр, – писал автор «Народной монархии», – оставил после себя выигранную Северную войну, расходы на которую не стоили «пяти Шведий», и оставил на целое столетие потерянные возможности на юге (Прутский поход²³, сдача Азова²⁴ и флота²⁵). Он оставил разоренную страну, отвечавшую на произвол «и неслыханное дотоле воровство» «птенцов гнезда петрова» «безрасчетным отчаянием и разбоем». Он всё-таки подорвал и монархию: вчерашняя уличная девка на престоле была так же невозможна в Москве, как невозможно было дальнейшее столетие порнокрапии. Он подорвал Церковь. Он подорвал престолонаследие. И после всего этого историки говорят о «частых ошибках». Эти «частые ошибки» мы с вами и расхлебываем до сих пор – третьим интернационалом, террором и голодом, законными наследниками деяний великого Петра»²⁶.

Между этих полюсов сторонников и противников Петра I предпринимались и попытки снятия противоречий, нахождения синтеза. Такой подход был представлен, в частности, А. В. Карташевым²⁷, крайне критично относившимся к введенной императором синодальной модели, но видевшим в деятельности царя две стороны, проявленные в историческом процессе.

«Тезису Владимирской Святой Руси, – рассуждал Карташев, – Пётр I противопоставил антитезу святого государства и святой культуры. С Петром пришло на Русь совершенно иное просвещение, идущее от иного корня, имеющее иное основание. Там целью было небо, здесь – земля. Там законодателем был Бог, здесь – автономный человек с его силой научного разума. Там критерием поведения было мистическое начало греха, здесь – утилитарная мораль общения. Но вся эта ломка и как бы измена идеалу искупилась приобретением того, чего русскому православному народу не хватало для его же силы, то есть научного просвещения. Пётр сделал России насильственную прививку великих переживаний возрождения и гуманизма, и она блестяще удалась. Через 50 лет мы имеем русскую Академию наук в лице Ломоносова²⁸, а через 100 лет – величайшее русское явление – Пушкина^{29,30}. Русская культура мыслилась А. В. Карташеву как «синтез православных заветов «Святой Руси и Петровских заветов Великой России». Символом этого синтеза стала фигура А. С. Пушкина.

Кто прав в этих спорах? Зачастую оценки Петра говорят больше не о самом императоре, а об оценивающем его мыслителе или общественном деятеле.

Как известно, Пётр I один из наиболее почитаемых исторических деятелей Президента Российской Федерации. Об этом В. В. Путин не единожды заявлял публично. А что эти симпатии могут сказать о самом Президенте Российской Федерации? Зная исторические симпатии политика, можно, почти безошибочно, определить и его политические предпочтения, получить представление об идеологических ориентирах. Определение содержания идеологии Петра I оказывается в этом отношении далеко не только вопросом историческим.

Известно в то же время, что по опросам населения Пётр I остается одним из любимых героев прошлого. Он предстает примерно таким, как был описан в романе А. Н. Толстого³¹ и в снятом по его сценарию фильме³² В. М. Петрова³³. Знание петровской идеологии позволяет в этом смысле получить и определённые понятия об актуальных запросах народа.

По мнению французского философа Поля Рикёра³⁴, в истории «время разгильдяев сменяется временем волевых людей»³⁵.

Ту же мысль подчёркивал Л. Н. Гумилёв³⁶, говоря, что характер исторической эпохи зависит от доминирующего в ней человеческого типа, поэтому исследование движущих сил исторического процесса можно свести к исследованию человеческих типажей, находящихся на

первом плане исторических событий. Эти размышления в полной мере относятся ко времени правления Петра I. А время было очень непростое.

Вызов, брошенный Западом российскому государству во второй половине XVII века, потребовавший от России глубокой модернизации её социально-экономического пространства и соответствовавшего этому тотального обновления всех сфер российской жизни, духовно-нравственной доктрины, не был полностью отработан предшественниками Петра I, его отцом царём Алексеем Михайловичем³⁷ и братом Фёдором Алексеевичем³⁸. Хотя и они, в меру своих возможностей, сделали немало, чтобы достойным образом дать «ответ» Западу, превратив российское государство в мощный региональный центр силы, с которым вынуждено было считаться его враждебное окружение – Швеция, Польша и Турция.

Однако за время дуумвирата малолетних царей Ивана³⁹ и Петра и борьбы кланов Милославских и Нарышкиных⁴⁰ за власть правительнице царевне Софье⁴¹ и её фавориту князю Василию Голицыну⁴² не удалось стабилизировать внутривластную ситуацию в стране. Более того, неудачи во внешней политике (Крымские походы), приверженность властвующей элиты польской моде в одежде и языке (здесь, видимо, сказывалось влияние на царевну Софью её воспитателя Симеона Полоцкого⁴³), тяжёлые налоги из-за провальных крымских военных экспедиций⁴⁴, ужесточение репрессий к приверженцам старых обрядов⁴⁵ делали правительство царевны Софьи крайне непопулярным и тормозили продолжение модернизационных процессов в государстве. Назрела необходимость в сильной харизматической личности, способной продолжить преобразования. Таким был Пётр I.

О необходимости преобразований можно судить по состоянию грамотности населения. Образовательный уровень в прикладных – точных и естественнонаучных дисциплинах, необходимых для организации военно-технологического прорыва, уже не соответствовал уровню ведущих стран Запада. «Московская Русь, – резюмировал свой экскурс в XVII столетие историк Н. И. Ульянов⁴⁶, – в результате учёных усилий предстала далеко не той славянофильской Аркадией, об исчезновении которой можно было бы жалеть и брать её за образец идеального русского государства. Я вряд ли погрешу, сказавши, что культурой своей она немногим превосходила Хиву или Бухару⁴⁷».

XIX века. Россия не могла ждать с преобразованием, если не хотела погибнуть и превратиться в колонию. Факты организации культурной (запрет на выезд в Россию учёных) и экономической (саботаж товаров, привезённых в Европу московскими купцами) блокады были уже налицо. Исторически вопрос вставал не о движении России навстречу Западу, а о движении Запада в Россию и далеко не с просветительскими целями».

Пётр I как культурный герой

Пётр I, безусловно, выполнял для Российской империи роль культурного героя, так как с ним, с его образом связывалась трансляция базовых для имперского периода ценностей и смыслов. Резкое неприятие фигуры императора в определённых кругах русского общества (старообрядцы, славянофилы⁴⁸) не отменяет этого положения. Антигерой является оборотной стороной образа культурного героя. Привнесение новых ценностей и смыслов объективно вызывает общественное размежевание. Та часть общества, ценности которой приняты в новой модели, как правило, принимает культурного героя, другая – отвергает.

Культурными героями помимо Петра I для разных периодов российской истории выступали Владимир Креститель⁴⁹, Александр Невский, Иван Грозный⁵⁰, В. И. Ленин⁵¹, И. В. Сталин⁵²... Раскрытие их образов составляет ось российского исторического нарратива. В концепции русской исторической колен все эти персоналии несли одну и ту же воспроизводимую семантику. Действительно, нечто воспроизводимое в истории российской государственности, как проявление единой цивилизационной парадигмы, безусловно, можно обнаружить.

Можно, при соответствующих историософских обобщениях, найти общие черты у Петра I, к примеру, с Лениным или со Сталиным. Предтечей Ленина, «первым большевиком на троне», называл Петра I, в частности, Н. А. Бердяев⁵³. В целях решения внешнеполитических задач могут быть проведены (и проводились) параллели между Петром I, с одной стороны, и Александром Невским и Иваном Грозным, с другой. Сам император способствовал распространению культа Александра Невского, как победителя шведов⁵⁴, что должно было вызвать ассоциации с победами в Северной войне⁵⁵.

Но ни одна из перечисленных фигур ни по политическому стилю, ни по сопряжённому с ней идеологическому месседжу не дублирует другую. Уникальной фигурой не только по личным качествам (импульсивный реформатор, «мастеровой» на престоле), но и репрезентуемой семантике правления являлся и Пётр I. Эта семантика его правления задавала идеологическую модель новой имперской государственности. Она, безусловно, не оставалась неизменной при последующих правлениях, подвергалась корректировке. Но в любом случае генезис системы закладывает программу её функционирования, а соответственно, без преобразований Петра I адекватно осмыслить феномен Российской империи в её двухсотлетнем существовании вряд ли возможно.

Гамлетовский вопрос Петра Великого

Образ Петра Великого небезосновательно связывается с западной парадигмой развития. Пушкинская строка о прорубленном окне в Европу⁵⁶ (не открытом, а именно прорубленном) отражала определённо европейский вектор петровской политики. Однако, будучи идейным западником, Пётр I боролся со странами Европы: непосредственно – с Швецией, опосредованно – с Англией, объектами его почитаний. Применительно к сегодняшнему моменту петровский опыт позволяет ставить вопрос о реальности успешного противоборства с врагом при опоре на его ценности и идентичные модели.

Решение данного вопроса означает потенциальную возможность борьбы с Западом на основе западной ценностной парадигмы. В преломлении к петровскому времени на него могут быть три ответа:

1. Пётр I, заимствовав передовой западный опыт, смог за счёт него провести модернизацию и взять верх над учителями.
2. Успехи Петра I были относительны, сопровождались кризисными явлениями и катастрофами, а в долгосрочной перспективе имели губительные для Российской империи последствия.
3. Западные заимствования носили формальный и технический характер и не затрагивали цивилизационные константы России, соответственно, развитие при Петре I шло лишь под западными вывесками, а петровская империя была по сути новой модификацией российского государства-цивилизации.

Для осмысления опыта петровских преобразований с позиции соотнесения западных и цивилизационных российских компонент следует на первом этапе определить ценности и воззрения самого Петра I, выражаемые им самим, как главным субъектом реформ, ценностно-смысловой повестки. Необходимо дать ответ на вопрос: кто был в действительности в идейном отношении Пётр Великий?

* * * Методология проводимого исследования состояла в восстановлении идейного контекста деятельности Петра I. Такой подход соответствует развиваемому в настоящее время направлению интеллектуальной истории. Действия и высказывания Петра I соотносились с этим контекстом. Рассматривались фактологически подтверждаемые и потенциально возможные влияния на воззрения царя.

Документальных материалов и исследовательских работ для выводов в отношении идеологии Петра I достаточно. Другое дело, что эти факты не были систематизированы в фокусе воззрений императора. Расширение и уточнение идейного контекста петровской деятельности позволяет по-новому посмотреть и на саму фигуру Петра I.

Представленные в книге материалы могут быть использованы как в научных целях, так и в преподавательской деятельности – на курсах по истории России, истории общественной мысли, истории философии, культурологии, геополитике, истории Русской Православной Церкви и др. Они также вызовут интерес у тех, кто не равнодушен к отечественной истории.

Глава 2 ОБРАЗ ПЕТРА I В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Пётр I относится к ряду реперных фигур российского исторического нарратива. С его именем связана определённая историческая эпоха – петровская. Более того – сакральная фигура Петра делит историю России на допетровское и послепетровское время. Равное петровским реформам рубежное значение имеет в историческом сознании только Октябрьская революция, разделившая российское прошлое на дореволюционный и послереволюционный – советский – отрезки. От той семантики, которой обладают реперные фигуры исторического процесса, зависит осмысление общей направленности хода истории.

Расхождение во взглядах на Петра, а через него и на всё российское прошлое, обнаружилось задолго до дискуссии между славянофилами и западниками⁵⁷. На полюсах общественного восприятия сложились два петровских образа: Петра Великого, полубога – в дворянской репрезентации, и антихриста, немца на русском престоле – в старообрядческой рефлексии.

В настоящее время Пётр I по-прежнему может рассматриваться как фигура, по отношению к которой реконструируются общественно-политические позиции групп общества.

Целевой установкой данного исследования и является проведение такой реконструкции – соотнесения взглядов на Петра I с общим видением исторического процесса (философией истории) и ценностно-смысловыми ориентирами (идеологией). При этом ставится задача двух-уровневого изучения петровского образа – в рамках историографии (историческая наука) и массового общественного восприятия (историческое сознание).

Сферы исторической науки и исторического сознания не имеют между собой жёстких границ, соединяясь в рамках того, что сегодня принято обозначать понятием «исторический дискурс». Предмет исследования определяет, соответственно, и применяемую методологию – сочетание теории дискурса с классическими методами историографии и исторической социологии. При обращении к составляющей властного дискурса по раскрытию образа использовалась также методология анализа исторической политики (политики памяти) – как нового направления обществоведческих наук, находящегося на стыке истории и политологии.

Дополнительным фактором актуализации исследования современного восприятия образа Петра являются исторические параллели особенностей реализации петровской государственной политики с государственным курсом современной России. Будучи определяем в ценностном отношении как западник, Пётр проводил при этом политику сильной руки внутри страны и имперской геополитики – вовне. Такое сочетание вызывает определённые ассоциации с современным этапом в истории российской государственной политики. Признание успешности петровской политики в XVIII в. означало бы в логике этих параллелей признание соответствующих потенциалов и у современной модели российской государственности, и, напротив, отрицание успехов Петра указывало бы на сомнение в том, что на иноцивилизационной западной платформе они для России в принципе возможны.

Дискуссионные разломы историографического дискурса

Рассмотрение петровского правления в системе аргументаций *pro et contra* стало со временем принципом его исторического представления. Вместо цельности интерпретаций всё чаще стал избираться диалогический подход, раскрывающий амбивалентность как самой фигуры Петра, так и проводимых им реформ. Показательна в этом отношении книга Е. В. Анисимова⁵⁸ «Пётр Первый: благо или зло для России», исходно построенная как диалог между апологетом и критиком петровской политики⁵⁹. Автор приводит в ней аргументы с позиции обвинителя (обвиняет Петра, прежде всего исходя из ценностей гуманизма, демократии и экономики рынка), а затем опровергает себя же с позиции, условно определяемой как консервативная (оправдывает Петра, отталкиваясь от приоритетности задач отражения внешних угроз).

Условная развилка внутреннего диалога задавалась привнесённым ещё в перестроечный СССР дискурсом о феномене тоталитарного общества. В соответствии с ним Пётр рассматривался как фигура, определявшая вектор в направлении грядущего тоталитаризма (автократия, полицейское государство, усиление крепостного права). Противники такого взгляда оппонировали ему с позиций классического или старого западничества, указывая на прогрессивные последствия петровских деяний. Таким образом, можно констатировать произошедшую замену основной дискуссионной дихотомии западники – славянофилы новым дискуссионным разломом в отношении фигуры Петра.

Спор между классическим – антипатриархальным (секулярным) и модернизированным – антитоталитарным западничеством не исчерпывал дискуссионного пространства. Наряду с ним могут быть выделены и другие дискуссионные разломы, как, например, дискуссия между патриотами-противниками и патриотами-сторонниками Петра. Первые акцентировали внимание на разрыве петровской элиты с национальной традицией, вторые – на петровском имперостроительстве, борьбе с внешними врагами. Расхождение между ними в оценках Петра I представляло собой тот редкий случай, когда цивилизационный (противники) и геополитический (сторонники) подходы приводили к расхождению исторических оценок.

Возникли парадоксальные альянсы между последователями линии славянофилов и новых западников в критике петровской политики, проявленные, в частности, в публичных дискуссиях. В свою очередь, патриоты – сторонники империи оказались столь же парадоксально близки в оценке Петра с частью либерального западничества. Переформатирование дискуссионного пространства вокруг петровских реформ позволяет приступить к описанию основных присутствующих в широком дискурсе моделей интерпретаций исторического образа Петра I.

Историографическое моделирование

Модель № 1: «Теория политического реализма» Наиболее укоренённое в современной историографии объяснение деятельности Петра I – её трактовка в соответствии с теорией политического реализма. Сложившиеся представления можно охарактеризовать как нерerefлекторный политический реализм, поскольку выдвигаемые оценки даются без соответствующего теоретико-методологического обоснования. Главной ценностью, согласно позиции политического реализма, является ценность государственного суверенитета. Каждое государство ведёт с другими борьбу за доминирование, вступает в войны, заключает союзы, преследуя интегральную цель – усиление своего влияния и власти в мире.

Россия ко времени вступления на престол Петра I отставала от стран Европы технически, имела в сравнении с ними более низкие образовательные потенциалы населения, её управленческая система, с характерной московской волокитой, отличалась низким уровнем функциональности. Реформы были нужны Петру I для того, чтобы эффективно бороться с внешними противниками, другими государствами – напрямую с Швецией и Османской империей, опосредованно – с Британской империей. Главным успехом правления Петра являлись победа в Северной войне и её следствие – выход к Балтийскому морю. Высокой оценки при рассмотрении истории с позиции реал-политик заслуживают также петровские проекты – персидские походы⁶⁰, инициирование экспедиции на Мадагаскар⁶¹, исследование возможности организации Северного морского пути вокруг Евразии⁶². Направленные на подрыв британского могущества, все они создавали угрозу владычеству Великобритании в Индии⁶³.

Все реформы были подчинены функционально реформе военной⁶⁴, а военная, в свою очередь, направлена на усиление российского государственного могущества в мире. Переход к подушному обложению позволял обеспечивать финансирование армии и флота, введение Табели о рангах во многом было необходимо для военизации гражданской службы, управленческие реформы – для повышения мобилизационных возможностей государства в условиях войны. Даже церковные преобразования⁶⁵ рассматривались с точки зрения внешнего соперничества, предполагавшего развитие науки и техники, связываемого, в свою очередь, с секулярной культурой.

Модель № 2: «Теория модернизации» Реформы Петра I⁶⁶, сообразно с теорией модернизации, означали вступление России в модернизационную фазу развития. Петровская европеизация представляла по сути модернизацию. Отсюда – перенос на российскую почву институций и культурных элементов европейской жизни. Россия при Петре прошла путь, на который у европейских стран ушло более полувека. Не имела Россия и подготовительного этапа модернизации в виде культуры Ренессанса. Россия при Петре совершила скачок из традиционного общества в ранний модерн, тогда как в Европе такой переход шел эволюционно. Задачи модернизации определили специфику автократического стиля петровской революции сверху. Такой стиль не являлся специфически российским и в целом был характерен для стран догоняющего типа развития (второго и третьего эшелонов капитализма).

Впрочем, не все сторонники теории модернизации признают факт петровской модернизационной политики. Существует распространённое мнение, что Пётр, напротив, усилив крепостнические компоненты, заложил на долгое время препятствия для модернизации России, связываемой в этой версии теории с демократией, свободой личности, рыночной экономикой. Имеется также мнение об ограниченности петровской модернизации, охватывающей лишь элиту. Несмотря на европеизацию дворянства, большинство российского населения продолжало существовать в парадигме традиционного общества.

Сложились, таким образом, три версии мнений о петровской политике с позиций теории модернизации. Согласно первой позиции, имела место догоняющая модель авторитарной модернизации, сообразно второй – проводился антимодернизационный курс, в соответствии с третьей – была создана эклектическая система, сочетающая модернизационные анклавы с народной культурой до модерна.

Модель № 3: «Историческая колея России» В последние годы приобрела достаточную популярность метафора «исторической колеи», положенная в основание соответствующей концепции. Согласно ей, сделанный в прошлом выбор пути определяет будущее. Выйти из колеи крайне сложно, и чем глубже колея, тем меньше шансов изменения заданного исторического пути.

«Русская колея» была заложена ещё до Петра, на стадии формирования российского централизованного государства. Во время петровского правления она была существенно углублена, что определяло инвариантность дальнейшего развития страны. Пётр I, сообразно с концепцией «исторической колеи», уничтожил потенциалы для появления демократических институций и тем самым лишил Россию перспектив альтернативного развития. Прослеживалась линия связи между Петром, с одной стороны, Лениным и Сталиным – с другой. Приобрел популярность отзыв

Максимилиана Волошина⁶⁷ о Петре как первом большевике на троне⁶⁸.

Модель № 4: «Теория цивилизаций» Трактровка В. В. Путина в Послании Федеральному Собранию 2012 года⁶⁹ России как государства-цивилизации определила на уровне властного дискурса запрос на разработку цивилизационной версии российской истории. Цивилизационный подход, в отличие от модернизационного подхода, предполагал выявление ценностных констант соответствующей цивилизации. Эти константы генезисно связываются с заложенной в ядре цивилизации цивилизационно-образующей религией, в российском случае – с Православием.

В версии цивилизационного подхода Пётр I оказывался одним из антигероев в истории России. Петровская европеизация была направлена против ценностей и традиций русской цивилизации. Особое внимание в контексте цивилизационной теории обращалось на церковные реформы Петра и его разрыв с православными социокультурными константами. Императора подозревали в симпатиях к протестантизму и в выстраивании новой синодальной системы управления Церковью по протестантскому образцу.

Модель № 5: «Теория элит» В проекции теории элит история имеет развертку в качестве борьбы за власть различных элитаристских, антиэлитаристских и контрэлитаристских группировок. Применительно к периоду политического транзита после смерти Фёдора Алексеевича внимание традиционно акцентируется на противоборстве групп Милославских и Нарышкиных. Не все, впрочем, исследователи согласны с такой диспозицией борьбы, указывая, что ведущую роль в стрельцких мятежах играли совершенно другие персоналии.

В качестве альтернативных петровскому сценарию развития России историки иногда рассматривают потенциалы властной команды царевны Софьи. Традиционная версия, художественно оформленная А. Н. Толстым, о консолидировавшейся вокруг Софьи старомосковской группировке⁷⁰ может быть признана устаревшей. Напротив, получила развитие точка зрения, согласно которой В. В. Голицыным подготавливался пакет широких реформ, включая отмену крепостного права, идущих гораздо дальше петровского реформирования. Консервативные силы во главе с патриархом Иоакимом⁷¹ в раскладе политической борьбы поддержали именно Петра, связывая с ним, а не с Софьей приверженность традициям. Высказывается также мнение о двух сталкивающихся версиях западничества: голицынского – шляхетско-католического и петровского – протестантского. Победа петровской версии означала ставку на практическую

сторону европеизации. Рецидивы же линии Софьи – Голицына дали себя знать чуть позже в создании двора, дворцовой роскоши и расточительстве.

Очевидной характеристикой петровского правления стала демократизация элит, включение механизмов социального лифтинга. Был нанесён удар по прежним позициям родовой аристократии, окончательно стёрты границы между боярством и дворянством. На высшие позиции государственной власти оказались подняты представители провинциального дворянства и лица худородного происхождения. Массово приглашались на службу европейцы, что позже привело к возникновению угрозы для власти утратить национальную идентичность. В церковной иерархии командные позиции заняли представители малороссийского духовенства. С помощью системы Табели о рангах был создан механизм преодоления сословных ограничителей элитообразования.

Модель № 6: «Марксистская теория – выразитель классовых интересов» Не вытеснена полностью из научного и общественного дискурса и марксистская модель интерпретации политики Петра I, оказывающая существенное категориальное и методологическое влияние на другие модели. Дискуссия о том, подтолкнули или затормозили петровские реформы развитие капитализма в России, ведётся фактически в рамках формационной версии истории, концепта перехода от феодальной системы к капиталистической.

Через призму влияния марксистской методологии рассматривался вопрос об аккумуляции в петровских реформах классовых интересов. Признаётся, что политика Петра I наносила удар по позициям родовой боярской аристократии⁷².

В результате реформ, в частности, введения подушного налогообложения и установления системы рекрутчины, ухудшилось и положение широких народных масс.

К наиболее ярким проявлениям классовой борьбы петровского правления принято относить восстание Кондратия Булавина⁷³, именуемое в наши дни в ряде исторических работ не крестьянской войной, а казацким выступлением. В трактовке, чьи классовые позиции выражал Пётр I, обнаруживаются разночтения – реализация интересов дворянства, или зарождающейся буржуазии, или альянса обеих групп. Существует и точка зрения о том, что петровская политика выражала интересы самого государственного режима, превратившегося в особую социальную силу с собственными классовыми интересами чиновничества.

Модель № 7: «Теория мир-систем и геополитика» На основе методологических разработок Ф. Броделя⁷⁴ и И. Валлерстайна⁷⁵ самостоятельное место в историографии заняла теория мир-систем. Мир-системный анализ оказывался в конкретных разработках корреспондентен геополитическому, марксистскому и цивилизационному подходам. С великих географических открытий, развития капитализма и формирования колониальных империй начинает складываться единая мировая система. В неё встраиваются находившиеся ранее в сравнительно изолированном состоянии отдельные мир-системы (они же – цивилизации). Такое вхождение представляло собой объективный процесс исторического развития.

До Петра Россия развивалась как особая мир-система. Петровская политика, с точки зрения мир-системного анализа, означала вхождение её в формируемую мировую систему. Культурные заимствования Петра являлись маркером включения в эту мировую систему и имели значение, прежде всего с точки зрения символической политики, производимой системной интеграции. Однако внутри единой мир-системы позиции центра, полупериферии и периферии не были ещё окончательно распределены. Внешнеполитическая борьба Петра – это борьба за положение России внутри мировой системы, и она оказалась достаточно успешной.

С позиции классической геополитики Пётр I четко действовал сообразно с парадигмой Хартленда. Культурно принимая Запад, он в геополитическом отношении вступил в борьбу с ним, сокрушив Швецию и бросив вызов Англии. Петровские устремления выхода к морям с точки зрения геополитики означали курс на обеспечение неувязимости России-Хартленда.

Модель № 8: «Интеллектуальная история» Направление интеллектуальной истории ставит в фокус рассмотрения исторического процесса концепты, которыми руководствуются субъекты стратегического действия. В такой постановке проблемы применительно к петровскому времени центральным оказывается вопрос о том, существовал ли некий концептуальный замысел в деятельности

Петра I. Положительный ответ на него сталкивается с идущей от П. Н. Милюкова и сохраняющей достаточно широкое распространение позицией о «реформах без реформатора»⁷⁶, ситуативном реагировании царя на актуальные вызовы, без целевого видения осуществляемых преобразований. Контекст развития европейской мысли в соотнесении с политикой Петра I позволяет предположить факт влияния на него идей меркантилизма, камерализма, теории общего блага, всеобщности рациональной государственной регламентации.

Другой стороной реконструкции воззрений Петра является предположение о его симпатиях реформационной (протестантской) Церкви. Обращается внимание на то, что заимствования шли преимущественно из стран протестантского культурного ареала, но не католической Европы. Ведётся полемика о церковной реформе Петра, в рамках которой сталкиваются позиции о том, было ли новое синодальное устройство канонично для православной традиции или являлось результатом заимствования протестантской модели организации религиозной жизни.

В приверженности протестантизму подозревается ведущий апологет петровских реформ в Церкви Феофан Прокопович, тогда как местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский⁷⁷ – в близости к католикам. Впрочем, изгнание в 1719 году из России ордена иезуитов, получившего распространение в период регентства Софьи, явно указывает на антикатолические взгляды Петра. В кощунствах Всешутейшего собора видится отдельными исследователями не антирелигиозное действо, а конкретная пародия на папство.

Третьей версией в отношении замысла Петра наряду с версиями о влиянии современных европейских общественных наук и протестантской религиозности является предположение о развитии им национальной идеологической рефлексии. В Московской Руси манифестировалось положение, что «четвёртому Риму»⁷⁸ не бывать. На нем выстраивались, в частности, позиции старообрядческой оппозиционности. Ответом на кризис хилиастических воззрений Московской Руси явился петровский тезис о принципиальной возможности модернизации христианского царства. Петербург в этом понимании мыслился как «четвёртый Рим», столица обновлённой Римской империи. Позиционирование Петра как «нового Константина»⁷⁹ соотносится также с версией о замысле христианского имперостроительства.

Модель № 9: «Русский империализм» К. Марксом в «Разоблачении дипломатической истории XVIII века», работе, подготовленной в контексте только завершившейся Крымской войны, выдвигалось утверждение о доминанте в петровской политике империалистических установок, стремления к мировому господству. Выход к морю нужен был Петру, согласно взглядам автора, не для торговли, а для мировой военной экспансии. Парадоксально, но оценки К. Маркса в работе по российской истории противоречили собственно марксистской методологии анализа исторического процесса. Образ Петра как русского империалиста устойчиво использовался и продолжает использоваться в антироссийской исторической пропаганде. Разоблачение факта фальсификации текста так называемого «Завещания Петра I»⁸⁰ показывает связь соответствующего концепта с актуальной политикой.

Сторонники модели петровского империализма, как ключевой характеристики правления Петра I, занимают определённые позиции и в российской историографии. Особо индикативными в качестве проявления империалистических амбиций царя оцениваются персидские походы и планы колонизации Мадагаскара. Эти проекты последних лет царствования Петра определяются, как «безумные». Характерно, что при этом английская политика колонизации Индии безумной не считается и связывается с британскими геополитическими и геоэкономи-

ческими интересами. Концепт империалистичности политики Петра зачастую базируется на фобиях в отношении России и русского народа, представлениях о врождённом российском империализме.

Модель № 10: «Русофоб на престоле» Семантически противоположным выше рассмотренному концепту является взгляд на Петра I как на русофоба на российском престоле. Согласно этому взгляду, воспитанный в немецкой слободе император ненавидел и презирал всё русское. Под стать царю было его окружение – сторонники радикальной европеизации, связывающие русскость с отсталостью. Петру приписывают слова сожаления о том, что ему досталась в управление Россия, а не какое-либо из европейских государств. Ближайший сподвижник царя А. Д. Меншиков якобы обращался с просьбой к государю именоваться немцем. Русофобия оказывалась в данном случае идеологическим инструментом реформирования, предполагавшего радикальный разрыв с удерживающей связью с прошлым национальной традицией. Результатом реформ стал фактический распад российского социума на два народа, отличавшихся и по культуре, и по языку, и по системе ценностей.

Модель № 11: «Пётр I – “секулярист”» Деятельность Петра I определялась контекстом исторического транзита от религиозного к секулярному типу государства и общества.

Существуют две датировки начала эпохи Просвещения: одна определяет её наступление серединой XVIII, другая – концом XVII века. Вероятно, было бы уместно говорить о двух этапах развития просветительской идеологии. На первом этапе, начавшемся ещё в XVII веке, утверждаются представления о формировании государства и общественных институций снизу вверх с опорой на общество. Такой взгляд заменил прежние воззрения о том, что власть даётся от Бога. Осуществляется секулярный переход в развитии европейской общественно-политической мысли. На втором этапе, который может быть датирован серединой XVIII века, уже на секулярной платформе выдвигаются идеи, соотносимые с последующей триадой Великой Французской революции – «свобода, равенство, братство».

Пётр I, как и российская политическая элита в целом, не мог не испытывать влияния распространявшейся в Европе просветительской идеологии. Речь должна при этом идти именно о первом этапе в истории Просвещения – переходе к секулярной системе воззрений на государство. Теория «общего блага», к которой обращался Пётр Великий, восходила напрямую к просветительским идейным источникам. При этом о восприятии им идей свободы и равенства, характерных для второго этапа Просвещения, говорить ещё невозможно. Из представлений об «общем благе» вытекала задача создания «регулярного государства», что обеспечивалось принятием «правильных» законов и установлений.

Модель № 12: «Пётр I – “протестант”» Европейские заимствования Петра Великого носили выборочный характер. В основном они относились к странам протестантского культурного образца. Существует в этом смысле представление о латентных симпатиях Петра I если не к протестантизму, то к протестантской модели жизнеустройства. Он симпатизировал «дешёвой церкви»⁸¹ и совершил определённые шаги в этом направлении. Папская церковная система напрямую высмеивалась им в постановках «Всешутейшего собора»⁸², во главе которого стоял избранный шутовской князь-папа. Широкое распространение имеет точка зрения о том, что синодальная реформа Петра I была осуществлена в соответствии с моделью протестантского установления.

Западничество Петра I не являлось инвариантом западнического подхода. В идейном плане на уровне российских элит вели борьбу между собой не западники со старомосковской консервативной партией, а две западнические группировки. Одна, с которой связывалось направление царевны Софьи и её фаворита Василия Голицына, придерживалась шляхетско-католических позиций, другая – Петра I и его главного идеолога Феофана Прокоповича – латентно протестантских. Победа петровского направления означала принятие практической стороны европеизации. Победа же линии царевны Софьи представляла более серьёзную

для православной идентичности России угрозу – принятие европеизации по католическому образцу с уклоном в аристократическую роскошь и, возможно, в униатство.

Модель № 13: «Теория заговора» Общественный дискурс вокруг фигуры Петра I не будет реконструирован в полной мере при исключении из него направления конспирологии. «Теорию заговора» нельзя признать научным анализом, но в качестве феномена исторического сознания она, безусловно, занимает значимые позиции. Историческая конспирология построена на представлении о существовании некоего заговора тайных сил с целью построения антисистемы. Отправной точкой конспирологических сюжетных линий по отношению к Петру являются его зарубежные путешествия 1697–1698 гг.

и 1716–1717 гг.⁸³ Применительно к первому путешествию выдвигается версия о том, что царь был в Европе действительно подменён, как сообщала о том народная молва. Приводятся соответствующие аргументы, связанные с изменением внешности государя, его воззрений и главное – отступлением от православия.

К путешествиям 1716–1717 годов относится мифологема о масонском посвящении Петра I. Первая масонская ложа-матерь была учреждена в 1714 году, и вступить в братство он теоретически мог только во время второго посольства. Масонские символы обнаруживаются в семантике петербургской архитектуры.

Конспирологические оккультные ритуалы усматриваются в рамках теории заговора в функционировании Всешутейшего всепьянейшего собора и петровских ассамблей. Усиливает позицию конспирологов отсутствие рациональных объяснений ритуализации кошунственных, по традиционным представлениям православной Руси, деяний Всешутейшего собора. Ключевая роль в версии существования вокруг Петра некой оккультной организации отводится Якову Брюсу. Распространена, в частности, легенда о существовании под председательством Брюса⁸⁴ «общества Сухаревой башни»⁸⁵.

Модель № 14: «Петровская апостасия» Ни один исторический персоналий не имел в русской эсхатологической мысли столь же широкой рефлексии, как персонификация антихриста подобно Петру I. Определение царя антихристом имело столь угрожающий размах в народе, и прежде всего в старообрядческой среде, что местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский был вынужден выступить с опровержением выдвигаемых тезисов. Но и по прошествии времени идентификация Петра как антихриста сохраняла популярность, что нашло, в частности, отражение в третьей части знаменитой трилогии Д. С. Мережковского⁸⁶. Антихристу-Петру писатель противопоставлял, вопреки исторической достоверности, в качестве носителя христианской веры царевича Алексея. Развивалась идея о череде исторических антихристов, являющихся предтечами антихриста последних дней⁸⁷.

Развиваемая тема петровской апостасии, впрочем, имеет не только религиозно-эсхатологическое преломление, но и определённую корреспондентность с научными подходами. Деятельность Петра I определялась в этом смысле историческим транзитом от религиозного к секулярному типу государства и общества. Власть в результате петровских преобразований десакрализуется по лекалам европейского абсолютизма, утрачивая (хотя и не в полной мере) прежние акценты теократической государственности.

Принятие титула «император», оттеснявшего на второй план титул «царь», отражало ту же секулярную тенденцию. «Царство» не было ниже «империи», но выражало сакрально-религиозные, а не военно-иерархические аспекты государственности. Петровская секуляризация оказалась частичной, охватив привилегированную часть общества, в то время как народ вплоть до революции оставался в системе бытия общества религиозного типа.

Модель № 15: «Пётр I – “православный государь”» Включённость Петра I в череду героев российской истории вызывает стремление изменить западную семантику его восприятия. Такая установка выражается патриотической формулой – «не отдать Петра Великого

Западу». Серьёзные затруднения такое истолкование вызывает в отношении петровской религиозной политики, в которой он, как принято считать, шёл фактически на разрыв с традициями православия. Однако высказываются мнения и в защиту православной идентичности Петра. В отличие от своих старших братьев и сестёр, он не обучался у последователя Симеона Полоцкого, являвшегося одним из лидеров «латинской партии». Мать Петра Наталья Кирилловна, урождённая Нарышкина⁸⁸, имевшая значимое влияние на сына, стояла на ортодоксальных позициях Русской Церкви. Именно Петра поддержал в борьбе с Софьей патриарх Иоаким, связывая с ним отпор латинской группировке в элите.

Синодальная реформа Петра I⁸⁹ рассматривается сторонниками позиции сохраняемой приверженности царя православию как каноническая. Во главе Церкви, считают приверженцы этой версии, стоял не Синод, а непосредственно император, что соотносится с византийским церковным правом.

Пётр I поддерживал и распространял культ православного святого князя Александра Невского. Его самого сравнивали с Константином Великим, имея в виду связанную с его правлением миссию христианского имперостроительства. И даже разрыв с идеологией третьего Рима переосмысливается через замысел создания Петербурга в качестве «четвёртого Рима».

Модель № 16: «Одиноким герой» Дискуссии о роли «героя» и «масс» в историческом процессе достаточно широко представлены в исторической науке. К череде великих героев истории (исторических гениев) принято относить и Петра I. Согласно героической версии, он как личность вступил в противоборство с целой системой и победил. Петровский гений изменил вектор развития страны, вытянув из «болота средневековой отсталости». Пушкинская метафора об «узде железной» прочно укоренилась в репрезентации образа Петра. Оппоненты героической версии приводят аргументы, дезавуирующие фигуру царя, принижая как его личные таланты, так и достигнутые политические ритуалы. Существуют и усиливаются попытки представления Петра I в качестве злодея, патологической персоналии с садистскими наклонностями. Подспорьем распространения такого рода интерпретаций выступают многочисленные исторические анекдоты, используемые в антипетровской памфлетике XVIII и XIX веков в фокусе внешней и внутренней критики пороков русского самодержавия.

Модель № 17: «История повседневности» История повседневности, в противоположность макро-историческим обобщениям, сфокусирована на микро-исторических аспектах человеческого существования. Несмотря на преднамеренный уход от метанарратива, она на уровне бытия отдельного человека, семей или локалитетов позволяет выявить происходящие трансформации, прежде всего трансформации социокультурные. Изучение отдельных аспектов социокультурных трансформаций стало предметом разработок по отношению к разным периодам истории России, в том числе и периоду петровского правления.

Проводимые исследования демонстрировали прежде всего появление нового типа личности – человека секулярного. Петровский этап секуляризации оказывался преемственен тенденциям обмирщения сознания и бытия человека в семнадцатом столетии. Однако при Петре скорость соответствующих процессов существенно возросла. При этом важна подтверждаемая и в рамках других моделей констатация того, что формирование человека секулярной культуры ограничивалось нишей дворянского сословия и не затрагивало народа.

Безусловно, описываемые подходы к осмыслению исторического значения фигуры Петра I представляют собой «чистые модели», часто историки сочетают их друг с другом, используют и их отдельные элементы. Причём это использование часто порождает внутренние противоречия предлагаемых объяснений и интерпретаций. Но сами «чистые модели» могут служить в качестве лоции по петровской историографии.

Учебная версия: Историко-культурный стандарт

Какая из перечисленных моделей была взята за основу учебной версии освещения правления Петра I в современной

России? Обращение к историко-культурному стандарту позволяет утверждать, что в качестве такой основы взята теория модернизации.

Понятие «модернизация» непосредственно используется в отношении к петровскому времени в пояснительной преамбуле к разделу. Утверждается при этом, что модернизация затронула все слои, тогда как доминирующей в историографии является позиция о сословной ограниченности петровских трансформаций. Стандарт высоко оценивает результаты преобразований Петра I, и только уже после вынесения оценки сообщает о разных суждениях в отношении личности и политики императора.

По мнению разработчиков Стандарта, петровские преобразования «позволили в кратчайший срок ликвидировать отставание России от европейских стран (в промышленном и военном отношении), поставив в один ряд с великими мировыми державами того времени»⁹⁰. К результатам политики Петра I в издаваемых на основе Стандарта школьных учебниках следует относить: наличие сильной армии и флота, начало формирования национальной промышленности, создание основ для институционализации регулярного государства, занятие дворянством господствующего положения в государстве, заимствование частью общества европейских культурных образцов, развитие наук, просвещения и светского искусства, достижение Россией статуса империи.

Властную систему петровского времени предлагается трактовать как абсолютизм, что, как известно из развернувшейся ещё в советское время дискуссии, было поддержано далеко не всеми историками. Характеристика государства Петра I как системы абсолютизма указывала в представленной версии исторического процесса на единство российского и европейского исторических процессов. Отличалось также отступление преемников императора от принципов петровской политики, а именно – от требования общего служения всех сословий. Последующие правители России приняли установку послаблений в отношении дворянской службы, а затем и предоставления дворянам возможности не служить. Необходимо при этом заметить, что выдвигаемый разработчиками Стандарта концепт всеобщности государственной службы при Петре I нивелировал акцентированное прежде положение о классовом неравенстве в российском феодально-крепостническом обществе.

Властный дискурс

Важно зафиксировать апелляцию к Петру I как одному из ключевых образов российской истории с позитивной коннотацией на уровне властного дискурса. О том, что именно Пётр I из всех политических деятелей заслуживает наибольшего восхищения, заявил Президент Российской Федерации в 2019 году в интервью «Financial Times»⁹¹. Поясняя свою позицию, В. В. Путин указал, что, по его мнению, петровское дело продолжает жить и в настоящее время.

Пётр I дважды был включен В. В. Путиным в тройку самых выдающихся фигур российского прошлого. Во время встречи с политологами в 2012 году перед президентскими выборами он наряду с Петром I в перечень наиболее близких ему правителей в истории России включил также Александра Невского и Екатерину II⁹². В 2019 году, отвечая на вопрос о национальных героях России, Президент назвал А. С. Пушкина, Петра I и добавил П. И. Чайковского. Главными заслугами императора он называл проведённые преобразования и основание Санкт-Петербурга.

Высокую оценку деятельности Петра I давал премьер-министр России Д. А. Медведев, провозглашая в 2019 году подготовку к празднованию 350-летия императора. По словам премьера: «За время своего правления Пётр I превратил патриархальную Русь в огромную и мощную Российскую империю – сильную и в то же время просвещённую европейскую державу, с которой стал считаться весь мир»⁹³. Как и президент В. В. Путин, Д. А. Медведев связывал в своих оценках деятельность императора с современной российской государственностью. Раскрывая это положение, в заслугу Петру он ставил создание основ военного и инженерного дела, административной и правовой системы, национальной культуры. Премьер проводил историческую параллель между петровской эпохой и современностью в плане запроса на энергичных и целеустремленных личностей, готовых брать на себя ответственность за необходимые стране преобразования.

Таким образом, можно говорить, что и на уровне высших фигурантов российской власти существует представление о Петре I как царе-преобразователе, соотносимое в основных чертах с теорией модернизации. При этом в качестве следствия петровских реформ отмечалось укрепление российского государства через переход его на рельсы современного развития.

Общественное мнение: образ Петра I в историческом сознании российского социума

Сходная в целом позиция в восприятии фигуры Петра I доминирует и в массовом общественном сознании. Хотя историческое сознание российского социума характеризуется состоянием расколотости, проявляемой в отношении многих персоналий и событий прошлого, в восприятии образа Петра сложился сравнительно устойчивый консенсус (если иметь в виду взгляды большинства населения).

О степени популярности Петра I можно получить представление из опросов по выявлению наиболее выдающихся деятелей в истории в восприятии российского социума. По всем социологическим замерам последних двадцати лет Пётр I регулярно оказывается в группе наиболее популярных исторических деятелей. Так, в 2008 году в проекте «Имя России» (2008 г.) телекомпании «Россия» путём голосования интернет-пользователей, телезрителей и радиослушателей в общем рейтинге народного голосования Пётр I занял 5 место, набрав 448 857 голосов⁹⁴. Приведём итоговые цифры народного теле-голосования:

В 2009 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл опрос «Полтавская битва – 300 лет спустя». Итоги опроса показали, как хорошо наши сограждане знают историю Полтавской битвы и что думают об одном из её участников – Иване Мазепе.

Относительное большинство россиян правильно указали имя полководца, руководившего русской армией в Полтавской битве – Пётр I (47%). Неверные ответы наши сограждане дали значительно реже: 7 % полагали, что войсками командовал Александр I, 3 % – Иван Грозный, по 2 % – Павел I или Николай I. 28 % наших сограждан вообще не знали, кто из русских императоров руководил армией в битве под Полтавой⁹⁵.

Больше всего эрудированных респондентов – в Центральном округе и Северо-Западном округах (57 % и 54 % соответственно), среди москвичей и петербуржцев (58 %), 25–34-летних и 45–59-летних россиян (по 51 %), а также высокообразованных (62 %). Незнание, как правило, демонстрировали жители сельской местности (31 %), 18–24-летние и пожилые сограждане (по 31 %), а также малообразованные респонденты (45 %)⁹⁶.

На вопрос, с кем именно сражались войска России в Полтавской битве, наши сограждане ответили увереннее: 60 % дают правильный ответ – со шведами. Заблуждаются лишь 14 %: 7 % полагают, что воевала русская армия с французами, 4 % – с поляками, 3 % – с немцами. Не имеют понятия о том, с кем было сражение, 19 %. Правильный ответ чаще дают жители Северо-Западного округа (74 %), москвичи и петербуржцы (71 %), 25–34-летние и 45–59-летние респонденты (по 65 %) и высокообразованные россияне (74 %). Незнание было наиболее характерно для жителей средних городов (25 %), 18–24-летних и пожилых россиян (24 % и 23 % соответственно), а также малообразованных респондентов (42 %)⁹⁷.

Почти каждый третий из респондентов не знал, кто такой Иван Мазепа (30 %). Те же, кому было известно об этой личности, чаще считали его клятвопреступником и предателем (26 %), нежели героем украинского народа (11 %). Ещё 24 % нейтрально оценили Мазепу, полагая, что это неоднозначная историческая фигура со своими достоинствами и недостатками. Не знали кто такой Иван Мазепа, как правило, в Поволжье (38 %), Сибири (39 %) и на Дальнем Востоке (40 %). Такие респонденты также чаще встречаются среди малообразованных (43 %) и 18–24-летних россиян (39 %). Негативную оценку чаще всего дали жители Северо-Западного округа (34 %), жители России старше 45 лет (30–31 %) и высокообразованные респонденты (33 %). Считать его противоречивой исторической фигурой наиболее склонны жители

Центрального округа и сибиряки (29 % и 28 % соответственно), а также 35–59-летние (28–26 %) и высокообразованные россияне (32 %) ⁹⁸. Уверены, что сейчас во время проведения Россией специальной военной операции на Украине количество негативных оценок деятельности Мазепы со стороны наших сограждан резко увеличилось.

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 4–5 июля 2009 г. Опрошено 1600 человек в 140 населённых пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %.

Назовите имя полководца, руководившего русскими войсками в Полтавской битве? (закрытый вопрос, один ответ)

С кем сражались русские войска в битве под Полтавой? (закрытый вопрос, один ответ)

По Вашему мнению, Иван Мазепа...

(закрытый вопрос, один ответ)

В 2022 году, в год 350-летия Петра Великого, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты опроса о том, что думают жители России о Петре I и его деятельности. Подавляющее большинство опрошенных считали, что Пётр I сыграл положительную роль в истории России (90 %). Чаще всего положительную роль Петра I отмечали пенсионеры (95 %) и мужчины (88 %). Одобрение деятельности Петра I во многом было связано с его заслугами в сфере морского флота и кораблестроения (30 % в группе положительно оценивающих роль Петра Великого), проведении реформ (15 %), «развитием страны, прогрессом» (15 %) и «основанием Санкт-Петербурга» (12 %) ⁹⁹.

Только 5 % респондентов дали отрицательную оценку деятельности Петра I. Его критики считали, что он нанёс много вреда России через ненужные для страны реформы, искоренил русскую культуру и традиции русского народа, проводил жестокую политику тирании ¹⁰⁰.

Итак, спустя 350 лет со дня рождения Петра Великого граждане Российской Федерации подчеркнули, что достижения первого императора значительно повлияли на судьбу России, прежде всего речь шла о возрождении армии и флота (36 %), основании города на Неве (9 %) и т. д. Были также отмечены военные победы Петра Алексеевича, прежде всего Полтавская битва, выход к Балтийскому морю, развитие экономики и укрепление государственности, культурное развитие и рост авторитета Российской империи на международной арене. Заслуги Петра I в области кораблестроения и военных побед чаще упоминали мужчины (39 %) и респонденты старшего возраста (48–38 % в группе старше 45 лет). Молодёжь 18–24 лет чаще ценила то, что он «прорубил окно в Европу» (20 %) ¹⁰¹. 16 % опрошенных в Северо-Западном округе указали на основание Санкт-Петербурга. Здесь этот вариант занял второе место ¹⁰², что вполне объяснимо местом проживания данных респондентов.

Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлечённой из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет.

Расширенные итоги опроса ¹⁰³: 9 июня исполняется 350 (триста пятьдесят) лет со дня рождения Петра Первого. Скажите, пожалуйста, как Вы в целом оцениваете роль Петра Первого в истории России? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Вы отметили, что положительно оцениваете роль Петра

Первого в истории России. А почему Вы так считаете? (открытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто отметил «положительную роль»)

Вы отметили, что отрицательно оцениваете роль Петра

Первого в истории России. А почему Вы так считаете? (открытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто отметил «отрицательную роль»)

Что из сделанного Петром Первым, на Ваш взгляд, оказало наибольшее влияние на судьбу России? (открытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто «знает, кто это»)

В 2022 году ВЦИОМ провёл опрос «Герои России: вчера и сегодня». Александр Сергеевич Пушкин, Пётр I и Иосиф Виссарионович Сталин – ТОП-3 выдающихся личностей прошлого, по мнению жителей нашей страны (21 %, 20 %, 17 % соответственно). Далее с ощутимым отрывом в ответах фигурировали Михаил Васильевич Ломоносов и Владимир Ильич Ленин (по 8 %). Наряду с Екатериной II шестую строчку заняли деятели культуры (Фёдор Михайлович Достоевский, Лев Николаевич Толстой, Пётр Ильич Чайковский) и великие полководцы (Александр Васильевич Суворов, Георгий Константинович Жуков – по 6 %) ¹⁰⁴.

Кого из известных деятелей прошлого Вы могли бы назвать «символом России»? Назовите, пожалуйста, трёх соотечественников из других эпох (открытый вопрос, до трёх ответов, % от всех опрошенных, представлены ТОП-20 ответов) ¹⁰⁵.

В 2023 году в ещё одном социологическом опросе ВЦИОМ под названием «Путешествие по отечественной истории» Пётр Великий занял лидирующие позиции: А с какими российскими деятелями, известными, выдающимися людьми из прошлой России Вы бы хотели познакомиться и пообщаться? Назовите нескольких таких людей (открытый вопрос, до трёх ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы от 2% опрошенных) ¹⁰⁶.

Итак, постоянно высокая позиция Петра I в различных опросах первой четверти XXI века является указанием на сохраняемое в течение многих лет восприятие его в общественном мнении в качестве одной из ключевых фигур российского исторического нарратива.

* * * Проведённый анализ позволяет зафиксировать переход к новому историографическому этапу осмысления личности и политики Петра I. Прежнее пространство дискурса оказалось трансформировано в результате смены ключевых дихотомий. Сложившиеся «чистые модели» осмысления петровских трансформаций должны, вероятно, в перспективе привести к изменениям восприятия Петра I в рамках исторического сознания российского социума.

Изменения исторического сознания происходят с определённой задержкой по отношению к сменам историографических и шире – дискурсивных парадигм. В настоящее время как на уровне властных представлений, преломляемых в государственной исторической политике, так и на уровне массового общественного мнения доминирует взгляд на личность Петра I как на гениального преобразователя, выведшего Россию в число передовых держав мира, а также блестящего полководца. Такое представление является синтезом семантик прежней советской интерпретации (романа А. К. Толстого и фильма В. М. Петрова с одноимённым названием «Пётр Первый») и теории модернизации (образ Петра в качестве предтечи всех последующих российских реформаторов). Но смена векторов развития России на современном этапе, предположительно, актуализирует запрос на новое переосмысление петровской эпохи в соответствии с трансформирующейся системой ценностей и идей российского общества.

Имея в виду палитру исторического дискурса, смена оценок деятельности Петра I не исключена и в логике превращения героя в антигероя. Но доминанция той или иной системы оценок будет определяться совокупностью факторов, включая государственную историческую политику, общественные запросы на ассоциативные образы прошлого и актуальные вызовы.

Глава 3 ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

Не существует абсолютно замкнутых в мировоззренческом плане социальных систем. Можно говорить лишь о большем или меньшем уровнях открытости. Не была полностью изолированной в отношении внешних идей и Московская Русь. Идеи эти проникали в российское общество, почти исключительно на уровень элиты, оказывая опосредованное влияние на политическую повестку.

Расхожее утверждение – Пётр I повёл Россию по пути европеизации. А в чём, собственно, эта европеизация заключалась? В Европе на рубеже XVII и XVIII веков циркулировали раз-

ные идеи. Европа не была тогда ещё идейно унифицирована. Понятие «европеизация» в этом отношении очень абстрактное. На какие из европейских идей опирался в своей деятельности Пётр I? К каким интеллектуальным группам был близок? Попытаемся в этом разобраться.

Иностранные языки и круг чтения

Уместно ли вообще вести речь об иностранном влиянии на Петра I, имея в виду его, как принято считать, недостаточную образованность? Конечно, немецкая слобода влияла, но её влияние могло касаться бытовых норм, а не интеллектуального дискурса. Действительно, Пётр I имел пробелы с грамматикой и писал с ошибками. Но по уровню знания иностранных языков он по меркам своего времени являлся человеком незаурядным. Пётр достаточно хорошо владел голландским и немецким языками. Причём голландский язык он освоил, ещё будучи в Москве, до своей первой поездки в Европу. Голландия, о чём забывают сегодня, была тогда передовой страной развития капитализма, опережавшей в динамике капиталистического развития даже Англию. На втором уровне освоения Петром I находились языки шведский и польский, немного знаком он был с английским и татарским языками. Мог государь читать тексты, написанные на латыни. Всё это позволяло Петру I быть включённым в европейский общественный дискурс.

Изучение Петром I голландского языка ещё до первой поездки в Европу является важным историческим свидетельством¹⁰⁷. Получается, что интерес к Европе и конкретно к Голландии возник у Петра Алексеевича не спонтанно. Интерес был настолько велик, что побудил тратить время на изучение голландского языка. Это позволяет сделать второе допущение — наличие, во-первых, субъектов коммуникации по-голландски, во-вторых, текстов на голландском языке.

К поездке в Европу Пётр, по-видимому, готовился. Существуют прямые свидетельства знания Петром I трудов европейских философов, связанных, в частности, с концепцией естественного права. В наказе о воспитании царевича Алексея он отмечал целесообразность чтения наследником трудов Гуго Гроция¹⁰⁸ и Самуэля Пуфендорфа¹⁰⁹. Пётр I ссылался на работы Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» и «О праве естественном и народном». Государь предписывал переиздать указанные сочинения в Голландии на французском языке. Особо индикативно в данном случае предписание государя издать книги в Голландии, а не в России, на французском, а не на русском. Очевидно, государь, понимая суть теории естественного права и другие европейские философские концепты, полагал, что Россия к их принятию не готова. Об этих концептах должен был знать наследник престола, но не народ.

Россия как «новая Голландия»

Влюблённость Петра I в Голландию имела свое объяснение. В настоящее время Нидерланды занимают 27-е место в мире по объемам ВВП, а по показателям на душу населения находятся на 16-й строчке. Безусловно, это неплохая позиция, но не та, которую имели Нидерланды к началу XVII века. В то время Голландия был главным финансовым центром мира. По рассчитываемым в проекции прошлого ВВП на душу населения она находилась на абсолютной первой позиции. Не Лондон, а Амстердам являлся в то время главным мировым центром сосредоточения капитала. Крупнейшим торговым флотом в мире тоже являлся голландский. По некоторым оценкам, 4/5 всех судов Европы ходили тогда под флагом Голландии. Существует мнение об особой роли, которую сыграла в подъеме Нидерландов протестантская этика труда¹¹⁰.

На момент осуществления «Великого посольства» Англия и Голландия управлялись одним королем. Дело в том, что в результате «Славной революции» 1688 года был свергнут с престола король-католик Яков II¹¹¹ из династии Стюартов¹¹².

А в 1689 году штатгальтер Голландии, Зеландии, Утрехта, Гелдерланда и Оверэйсела Вильгельм Оранский¹¹³ стал одновременно и королем Англии под именем Вильгельм III. Пётр I, переплывая через Ла-Манш, перемещался в другую часть его владений. Вполне естественно, что Пётр Алексеевич не мог не предпринять данный вояж даже по соображениям дипломатического этикета.

Вильгельма Оранского поддержали в борьбе протестанты Англии, полагавшие, что Яков готовит католическую реставрацию. Протестанты Голландии, являвшейся на то время центром сосредоточения различных протестантских направлений Европы, главным образом кальвинисты, солидаризировались с протестантами Англии – преимущественно состоявшими из англичан. Сторонники династии Стюартов, впрочем, не признали поражения. Свергнутого Якова II и его детей продолжали поддерживать отдельные католические государства Европы во главе с Францией, возглавляемой тогда Людовиком XIV, позиционирующимся в качестве светского лидера католицизма. Французы до 1697 года не признавали Вильгельма III и считали королем свергнутого Якова II, а после смерти того поддержали его сына Якова III.

Выбирая поездку в Англию, Пётр I не мог уже совершить визит во Францию. В сложившейся ситуации он сделал ставку на отношения с Вильгельмом III, а не Людовиком XIV. И действительно, отношения с английским королем во время визита в Англию сложились довольно тёплые. Вильгельм III давал царю советы, и не исключено, что церковная реформа в России была проведена не без влияния английского монарха. Однако Вильгельм III, который был на 22 года старше Петра I, прожил после визита царя недолго и умер в 1702 году.

При последующих английских правителях – Анне I¹¹⁴ и Георге I¹¹⁵ – представителе новой династии королей Ганноверской – отношения России с Англией ухудшились. Пётр I рассчитывал на посредничество Анны для заключения мира с Карлом XII¹¹⁶. До Полтавской битвы, ставшей переломной в Северной войне, царь искал возможные пути выхода из конфликта, но надежды на Англию не оправдались.

Во время своего второго путешествия по Европе 1716– 1717 годов Пётр I Англию уже не посещал, но направился с визитом во Францию. На завершающем этапе Северной войны Англия и вовсе подписала союзнический договор со Швецией. В Балтийское море прибыл даже английский флот, и, хотя в боевых действиях участия не принимал, от него исходила реальная угроза.

К концу своего правления Пётр I рассматривал Британскую империю в качестве главного соперника России. Это отразилось на его внешней политике, которая была направлена на

укрепление позиций России на международной арене, но при этом учитывала интересы Великобритании.

Изменение отношения Петра Великого к Англии имело свои причины.

Стремление Великобритании к доминированию в торговле на Балтике. Британская дипломатия была заинтересована в сохранении статус-кво в этом регионе, что для России означало бы отказ от притязаний на Прибалтику.

Опасение Великобритании усиления России. Английских министров пугала перспектива усиления России на Балтике, и они стремились ограничить её влияние.

Напряжённые отношения между странами. Ещё на переговорах в Утрехте в 1713 году английская делегация попыталась увязать мирные переговоры по обоим конфликтам, но в английской вариации мирного соглашения России предложили вернуть всё завоёванное Швеции за исключением небольшой территории с Петербургом.

В политике России по отношению к Англии в 1710-х – 1724 годах учитывались следующие моменты:

Стремление заключить с Англией торговый договор. Пётр I хотел развивать торговлю через Петербург и Нарву, но английское правительство не желало поддерживать торговлю с Россией через Балтийское море, ссылаясь на опасность для торговых судов со стороны шведских каперов.

Распространение англичанами слухов об агрессивных планах Петра. Английские дипломаты активно распространяли слухи об агрессивных планах Петра, якобы собиравшегося установить господство над всей Северной Европой.

Учёт интересов Великобритании в Северной войне. Пётр I понимал, что бороться против мощнейшего в мире английского флота Россия не в состоянии, но и отказываться от земель, завоёванных в долгой и изматывающей борьбе, он не намеревался. Нужно было быстро принудить Швецию подписать мирный договор до вступления Англии в войну.

Мнения отечественных историков на восприятие Петром I в конце своего правления Британской империи как главного соперника России разделились. Так, В. О. Ключевский считал, что внешняя политика Петра I оказалась неудачной, «велась плохо и разменивалась на пустяки». В то же время Н. Н. Молчанов считал, что разрыв между прежними союзниками был неизбежен из-за объективных причин,

«мекленбургский брак»¹¹⁷ стал лишь случайным козырем в руках английских дипломатов.

Увлечение Петра I Голландией постепенно ослабевало. Отчасти это было связано с вступлением Нидерландов в полосу кризиса. После смерти Вильгельма Оранского в Голландии начался затянувшийся на долгие годы Второй бесстатхаудерный период (период без Штатгальтера)¹¹⁸. Существенный урон нанесла Нидерландам и длительная война за испанское наследство. И прежнего экономического благополучия Пётр I в Голландии во время своего путешествия по Европе уже не мог наблюдать, да и голландцы были менее приветливы. Отчасти потому, что наступили «годы худых коров», отчасти ввиду торговой активизации России, объективно не выгодной Нидерландам.

Европа протестантская. Пётр I – противник католицизма

В историографии представлены три основные позиции в отношении протестантских заимствований Петра I.

Первая состоит в отрицании протестантских экстраполяций. Даже новая синодальная система управления Церковью трактуется отрицателями петровского протестантизма, как православное, идущее от византийской традиции установление.

Вторая позиция заключается в резкой критике протестантских привнесений Петра I. Заявляется фактически об отступлении от православия в пользу протестантизма, о внедрении протестантских норм в систему управления и культуру. О каком из направлений протестантизма идёт речь, как правило, не уточняется. Между тем, как известно, протестантизма в качестве единого учения не существует. И конкретизация вопроса, о какой из протестантских конфессий идёт речь: лютеранстве, цвинглианстве, кальвинизме, англиканстве, баптизме, вызывает крайние затруднения.

Третий подход заключается в утверждении целесообразности протестантских экстраполяций. Протестантизм, сообразно с ним, рассматривался, как путь становления светского общества. Соответствующее видение утвердилось в рамках либеральной мысли ещё с «Очерков по истории культуры» П. Н. Милюкова. Лидер кадетской партии представил в своем труде схему, сообразно с которой наиболее авторитарным и обскурантистским из всех христианских конфессий являлось православие. Католицизм был выше православия, а протестантизм, по условным уровням прогресса, выше католицизма. Сам же протестантизм рассматривался как мост к следующей стадии прогресса – секулярному обществу.

А. М. Глинчикова¹¹⁹ отметила две стороны протестантизма в восприятии Петра I. «Хорошая» для него сторона состояла в избавлении от контроля со стороны Церкви и её опеки политической власти. Протестантская модель открывала перспективы секуляризации церковных земель и перехода к системе абсолютизма. В фокусе истории Европы периода перехода от Средних веков к Новому времени это было действительно так. Европейские монархии, принимая Реформацию, освобождались от контроля со стороны папства. Но для русской монаршей власти такого рода задачи не были актуальны. Абсолютизм для России находился в перспективе отхода от теократизма, и в этом отношении он не усиливал легитимацию власти государя, а напротив, ослаблял.

Оказавшись в 1712 году на родине Мартина Лютера и в центре зарождения протестантизма в Виттенберге, Пётр I давал высокую оценку деятельности духовного лидера Реформации. «Сей муж, – говорил русский православный государь, стоя у статуи Лютера, – подлинно заслужил это. Он для величайшей пользы своего государства и многих князей, кои были поумнее прочих, на папу и на всё его воинство столь мужественно наступал»¹²⁰. Публичность такой оценки царём лидера неправославной конфессии в прежние времена была невозможна. Петра I, судя по приведённой цитате, привлекало прежде всего в Лютере его противодействие папе.

Но была в протестантизме, как указала А. М. Глинчикова, для Петра I и «плохая сторона». Она состояла в развитии на основе протестантской платформы индивидуальных свобод. «Логика модернизации, – подчеркнула Глинчикова в исследовании, посвящённом Феофану Прокоповичу, – требовала прекратить гонения за веру, нарастания компонентов свободы совести и индивидуализации духовной среды. Но Пётр понимал, что протестантизм имеет не только «хорошую», удобную для власти, но и «плохую», опасную, сторону, связанную с субъективизацией и индивидуализацией общественной и религиозной активности. Такая трансформация общества, ведущая его от теократического к гражданскому, не входила в планы Петра при

всём его восхищении цивилизованной Европой». Поэтому петровский дрейф в направлении протестантизма имел свои пределы и ограничители.

Четвёртая объяснительная позиция состоит в рассмотрении петровского сдвига в сторону протестантизма не в качестве альтернативы православию, а альтернативы католицизму. В российской элите конца XVII века была значительная группа симпатизантов латинского Запада. Западничество в версии латинства получило распространение при дворе Фёдора Алексеевича и Софьи Алексеевны. Для России это выражалось в перспективах униатства. Если бы не петровский протестантизм, европеизация пошла бы по пути католической экспансии. Пётр I, осознанно или нет, использовал протестантскую карту против латинства. И, надо отметить, католический сценарий европеизации России, начиная с петровского времени, был снят с повестки. После Петра I актуальная в течение ряда столетий угроза унии более не возникала.

Лично Пётр Алексеевич, сколь бы ни представляли его в качестве западника, крайне негативно относился к папству. Его западничество было в этом отношении избирательным. Ещё в 1698 году, будучи в Вене и осматривая иезуитский коллегиум, государь высказался следующим образом о деятельности ордена Иисуса: «Знаю я, что иезуиты большею частью люди ученые, во многих художествах искусные и ко всему способные. Но не для меня. Ибо я знаю также, что сколько они ни кажутся набожными, однако же вера их служит только покровом к обогащению, равно как их училища и художества – орудием к проискам, услугам и выгодам пап в их господствовании над государями»¹²¹. Пётр, судя по приведённому высказыванию, однозначно не принимает стремления пап господствовать над государями и видит, что структуры католической церкви работают целевым образом на интересы папского господства.

Во время своих заграничных путешествий Пётр I, вопреки распространённым представлениям, интересовался не только прикладными аспектами жизни западного общества, но и гуманитарными, включая вопросы философии и религии. Ещё во время своего первого заграничного путешествия, будучи в Англии, он серьёзно интересовался устройством Англиканской церкви. В пользу англиканства обрабатывали царя и англичане. Сам английский король Вильгельм Оранский рекомендовал Петру I самому, как в Англиканской церкви, встать во главе религии. На церковные темы царь вёл также беседы с наследной английской принцессой Анной. Петру I импонировали её антикатолические убеждения.

Беседовал царь и с высшим духовным иерархом Англиканской церкви архиепископом Кентерберийским¹²². И для удовлетворения интересов российского государя тот даже прикрепил к нему специального консультирующего богослова. Консультанта Петру I выделил и Оксфордский университет, так что знанием, как устроена Англиканская церковь, царь обладал и мог вполне опираться на него при проведении синодальной реформы.

Важной составляющей идейного европейского контекста петровских церковных реформ являлась также развернувшаяся в рамках самого католического мира борьба с квиетизмом. Квиетизм представлял собой мистическое движение в католицизме, опирающееся на идею об особом «принимательном» состоянии души в единении человека с Богом. Главным противником квиетистов стал французский король Солнце Людовик XIV, организовавший их осуждение со стороны папства. Глава движения епископ Франсуа Фенелон, автор бестселлера «Приключения Телемака», возражал, что речь идёт о традиционной церковной мистике. И в своих возражениях он был, по-видимому, прав. Но наступала уже эпоха рационализма, и мистика делегитимизировалась. С подозрением к мистике относился и Пётр I, безусловно, являвшийся человеком своей эпохи.

Голландские протестанты

Кальвинизм с его акцентированностью идеи предопределения был из христианских течений наиболее далёк православному богословию. И в этом отношении в особых симпатиях Петра I к кальвинистской Голландии обнаруживается определённый парадокс, но Голландия не была в XVII – начале XVIII века конфессионально однородна. В оппозиции к кальвинистам там выступали, в частности, арминиане – последователи Якоба Арминия¹²³. Арминиане отстаивали в полемике с кальвинистами определяющую роль свободы воли. Отсюда следовали обвинения их в пелагианстве или полупелагианстве. Но в пелагианстве обвиняли на Западе и православных.

Обвинения восходили к дискуссии между Августином¹²⁴, роль которого в становлении теологии западного христианства трудно переоценить, и ересиархом Пелагием. Ни православные, ни арминиане пелагианцами в действительности не являлись. Достаточно сказать, что Пелагий отрицал первородный грех Адама и полагал, что тот умер бы вне зависимости от совершения греховного деяния. И именно из положения об отсутствии первородного греха следовал пелагианский тезис о свободе воли. В понимании православия, равно как и арминиянства, свобода воли есть дар Божий человеку. Согласно позиции арминиян, Христос своей жертвой искупил грех каждого. И каждый может спастись, основанием к чему является свободный выбор человека. Предопределение имеет условный характер, так как в Божьем промысле оказывается учтён факт веры. На верующего нисходит благодать Святого духа, являющаяся основанием спасения, но человек может утратить по своему выбору благодать, воспротивиться её действию.

Арминиян, как и православных, обвиняли в приверженности синергизму. Распространенное сегодня понятие «синергия» имело религиозное происхождение, подразумевавшее соработничество человека и Бога. Большое внимание идее соработничества уделялось, в частности, в исихазме, возникшем в Византии и имевшем своих последователей на Руси. Исихазм сыграл огромную роль в развитии православной мысли. Соединение Божьего промысла со свободой воли человека в спасении души – идею, отстаиваемую арминиянами, так же было возможно трактовать, как синергизм. Кальвинизм занимал противоположную позицию – монергизма, сводя спасение исключительно к действию Божественного предопределения.

Таким образом, определённая перекличка православного учения с арминиянством действительно существовала. Потенциально это могло привлечь если не самого Петра I, то кого-то из его окружения в Церкви, как, например, Феофана Прокоповича. Арминиянином был и Гуго Гроций, чье имя связывалось одновременно с теорией общественного договора и теорией естественного права.

В классической работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»¹²⁵ показывалось влияние кальвинизма на переход к капиталистической системе. Идея предопределения логически развивалась в идее избранничества. Кальвинизм обнаруживал индикаторы богоизбранности, к которым относил, в частности, денежный успех. Но более правильно, вероятно, говорить о нескольких мировоззренческих истоках капитализма. В. Зомбарт¹²⁶ дискутировал с позицией Вебера, выдвигая вместо кальвинизма в качестве такого источника иудаизм. По-видимому, определённую лепту в становление капиталистической европейской модели привнесло и арминиянство. Отсутствие предопределённости означало и отсутствие предуготовленности сословного статуса. Это могло стать другой стороной формирования мировоззренческого контекста развития капиталистической системы, в чем Голландия шла впереди других стран Европы, включая Англию.

Англиканство и религиозная жизнь Англии

Россия при Петре I не являлась веротерпимой страной в той степени, как понимается веротерпимость сегодня. На рубеже XVII–XVIII вв. не было веротерпимости в этом смысле и нигде в Европе. В католических странах всё ещё продолжала действовать святая инквизиция. В протестантских – религиозное законодательство было мягче лишь относительно инквизиционной практики. Одной из наиболее веротерпимых европейских стран считалась Англия. Там действительно в 1689 году был принят Акт о веротерпимости¹²⁷ (полное название – «Акт об освобождении от наказаний, предусмотренных соответствующими законами, протестантских верноподданных, отделившихся от Церкви Англии»)¹²⁸. С принятием его смягчалась прежняя религиозная политика в отношении протестантов диссентеров, признающих власть короля, но по каким-то причинам не принимающих Англиканской церкви. Легализованы в результате принятия Акта оказались, в частности, баптисты и квакеры, но им по-прежнему запрещалось занимать государственные и общественные должности, являться членами суда присяжных. Под смягчающее действие Акта о веротерпимости не попадали католики и протестантские радикалы.

Однако в 1697 году, в самый канун приезда Петра I в Лондон, английский парламент принимает закон, направленный на ужесточение религиозной политики – «Акт о более эффективном подавлении богохульства и нечестия»¹²⁹.

Преступниками сообразно с ним оказывались лица, воспитывавшиеся в христианской религии, которые отрицали Троицу, единобожие, Божественный авторитет Библии. Наряду с антитринитариями – неоарианами подверглись гонениям деисты и пантеисты¹³⁰. Были прецеденты изгнания с кафедр и даже казни – повешение за отрицание Троицы двадцатилетнего студента Томаса Эйкенхеда. Антитринитарист Ньютон не пострадал, но его преемник в Кембриджском университете математик и историк, переводчик «Иудейских древностей» Уильям Уистон¹³¹ был лишён профессорского звания. Вынужден был из-за своих арианских воззрений уехать из Англии в Северную Америку знаменитый химик, первооткрыватель кислорода Джозеф Пристли.

Непосредственным основанием для принятия Акта 1697 года было издание Джоном Толандом книги «Христианство без тайн...»¹³², написанной с позиций идеи о единстве материального мира. Книга была подвергнута сожжению, а её автор вынужден бежать, спасаясь от тюремного заключения. Так что какого-то особого случая «петровской тоталитарности» на общем европейском фоне не существовало. Были преследования старообрядцев Петром I в России, но были в то же время гонения на инакомыслие во всех странах Европы. Феофан Прокопович излагал примерно те же взгляды, что и Толанд о единстве материи, но делал это легально.

Во время своего заграничного путешествия Пётр I, вопреки распространённым представлениям, интересовался не только техническими аспектами жизни Европы, но также вопросами гуманитарными и даже религиозными. Будучи в Англии, царь даже посетил молитвенный дом квакеров. Квакеры, хотя и были легализованы Актом о веротерпимости, не представляли собой официального религиозного течения. Специфичность их учения и обрядовой практики делали визит к ним Петра I шагом экстравагантным.

Квакеры¹³³ пытались обратить внимание царя на тяготы крепостного права в России, призывали к развитию образования для простых людей. Нет оснований считать, что квакерское учение оказало сколь бы то ни было значимое влияние на Петра I. Близкой у квакеров могла показаться, вероятно, лишь этическая позиция о простоте, призыве довольствоваться

необходимым. Не мог, естественно, царь, ищущий себе союзников для ведения войны, принять радикальный пацифизм квакеров, их неприятие военной службы.

Другое дело – Англиканская церковь. Царь посещал англиканские храмы и интересовался англиканской системой управления. Его собеседником не раз являлся епископ Солсберийский Джилберт Бернет¹³⁴. Модель, когда во главе Церкви стоит монарх, с большой долей вероятности Пётр I при проведении церковной реформы в России заимствовал у англикан.

Теория «общего блага»

Пётр I, как и многие другие европейские государи XVIII века, по-видимому, разделял фундаментальные положения теории общего блага¹³⁵. То, что государственная власть должна стремиться к обеспечению блага всех своих граждан, казалось бы, очевидно. Может показаться, что представление банальной по сути своей задачи в качестве особой теории является имитацией концептуальности. Но для раннего Нового времени очевидной установка достижения общего блага ещё не стала. Как правило, акцент в интерпретации содержания теории общего блага делался на прилагательном «общее», хотя важное значение в развитии общественной жизни имело и слово «благо».

Стремление к благу отсутствовало в ценностно-целевой повестке средневекового государства. Христианские государства средневековья стремились не к благу, а к добру, противостоя злу. Стремление же к добру оказывалось возможным при наделении государства благодатью свыше.

«Благодать» и «благо» в русском языке несмотря на то, что являются словами однокоренными, имеют разный смысл. Благодать нисходит от Бога, тогда как благо связано с удовлетворением человеческих потребностей. И эта переориентация от духовных императивов к реализации потребностей отражала общий тренд секуляризации при переходе от Средних веков к Новому времени. По прошествии двух с половиной столетий всё сущностно повторится: от проекта строительства нового человека КПСС при Н. С. Хрущёве¹³⁶ переориентировалась на задачу максимального удовлетворения материальных потребностей граждан.

Переход от модели государства добра к государству общего блага прослеживается только в русскоязычном наименовании теории. На английском языке она звучит как «common good», что различия между добром и благом фактически нивелировало.

Теория «общего блага» подразумевала секуляризацию, но не являлась, как может показаться, обозначением тенденции демократизации. Общее для всех противопоставлялось частному – для избранных, но не единичному, понимаемому в качестве единого. Говоря проще – теория «общего блага» была направлена против феодальной аристократии, инструментом подавления которой выступала институция монаршей власти. Во имя общего блага монарх ограничивал привилегии немногих. Авторитаризм на этом этапе развития европейской мысли не противопоставлялся обществу, а напротив, являлся режимом обеспечения его интегрированных интересов.

Собственно, и само понятие «общество» возникает именно в этот период. Ранее структурными единицами выступали Церковь, сословия, общины, цеха, теперь – общество.

Пройдёт время, и наступит следующий этап развития европейской политической мысли, когда общество будет противопоставляться власти автократора. Но это произойдёт позже. Пока же на конец XVII – начало XVIII века монархи действуют в союзе с третьим сословием, стремясь к ограничению влияния первых двух сословий. Отсюда в плане конфликта с первым сословием – священнослужителями – следует политика секуляризма, в плане же конфликта со вторым сословием – дворянской аристократией – переориентация от системы властвования аристократии (рыцарства) к бюрократизму.

Политика Петра I и выстраиваемая им система управления соответствовали европейским трендам. Поэтому, предъявляя с позиций либерализма Петру I обвинения в усугублении авторитаризма, современные авторы такие же претензии с равным основанием могли бы предъявить и фактически всем европейским монархам соответствующей эпохи. Укрепление монаршей власти требовалось для подавления власти аристократии. Утверждение, что Пётр I повёл Россию по пути тоталитаризма, размежевавшись на стадии раннего модерна с Европой, идущей будто

бы по пути демократизации, есть не более чем штамп антироссийской исторической пропаганды. Европа в начале XVIII века носителем идей демократии не являлась.

Идея общего блага, несмотря на свое европейское происхождение и секуляризационный подтекст, удачно легла на российскую цивилизационную почву. Апелляция к всеобщности соотносилась с традиционным общинно-коллективистским русским ценностным ориентиром. Этот ориентир был определён Николаем Бердяевым в качестве парадигмы русского коммунизма, в череду выразителей идеологии которого философ включал, как известно, и Петра I.

Другой стороной теории общего блага, соотносимой с русской цивилизационной традицией государствовоительства, являлось выстраивание модели с двумя составляющими – монарх и народ. В этой модели не оставалось места для элиты, которую и должна была ограничить в её притязаниях монаршая власть. На Руси, как известно, в народе никогда не любили бояр. На царя уповали как на карающий меч против боярской неправды и боярской крамолы. Царь символизировал собой единство русской общности. Всё это перекликалось с теорией общего блага. Триада времен Николая I «Православие – самодержавие – народность» продолжала в аспекте единства монарха и народа идеологическую линию Петра I. Правда, в этой триаде имелся компонент Православия, отсутствующий в теории общего блага, что придавало идеологии в версии Николая I уже не секулярный, а неотократический характер.

Теория общественного договора

Как и теория «общего блага», теория общественного договора выражалась в петровское время в двух фундаментальных аспектах нового государствовоительства – секуляризации и обосновании монаршего права. Секулярный аспект выражался в том, что происхождение власти осмысливалось теперь не как Божье установление, а как договор между людьми. Власть, отделённая от Бога, десакрализовалась. Более того, она оказывалась злом – Левиафаном, но злом, объективно необходимым.

Без государства, рассуждал Томас Гоббс¹³⁷, люди были обречены на то, чтобы истребить друг друга¹³⁸. В первобытном естественном состоянии человек был наделён правом на всё, и это оправдывало войну всех против всех. Создание государства являлось необходимым для человечества ограничителем человеческой свободы. Заключался договор, согласно с которым часть прав отторгалась от человека в пользу избранной власти. Договор мог в отдельных случаях перезаключаться, для чего была предусмотрена процедура периодически проводимых выборов.

Очевидно, что предлагаемая в рамках теории общественного договора версия государствогенеза принципиально отличалась от христианской традиции трактовки сущности государства. Христианский взгляд, согласно с которым земное царство есть отражение Царства Небесного, теория общественного договора отрицала.

Имели место, впрочем, попытки соединения теории общественного договора с теократизмом. Такую задачу решал, в частности, в конце XVI – начале XVII в. испанский политический мыслитель, признававшийся ведущим европейским философом своего времени, Франсиско Суарес^{139, 140}. Католическая церковь, как ни парадоксально, поддержала секулярную в своей сути теорию общественного договора. Такая поддержка объясняется угрозой ослабления власти папства при усилении тенденций абсолютизма. Ватикан небезосновательно опасался, что монархи выйдут из-под контроля Церкви, и для блокирования этой угрозы принимает линию дискредитации представлений о Божественной легитимности королевской власти. В России Православная Церковь была симфонически связана с монархией и в силу этого подрывной деятельности против неё, подобной той, которую проводил Ватикан, не осуществляла.

Второй аспект теории общественного договора состоял в обосновании особых монарших прав, получаемых на основании устанавливаемого консенсуса. Во времена Петра I теория общественного договора не являлась либеральным концептом, как она будет переосмыслена позже. Напротив, представляла аргументы об объективной необходимости ограничения частных прав в пользу высшей власти. Сторонники теории общественного договора петровского времени являлись монархистами. Различия в их оценках варьировались между позицией Томаса Гоббса, приверженца абсолютизма королевской власти, и Джона Локка, защищавшего систему либеральной монархии. Основные труды обоих мыслителей увидели свет во второй половине XVII века и задавали содержание идейного дискурса. Государство Петра I вполне соотносилось с гоббсовской моделью и, таким образом, не выпадало из дискурсивного контекста времени.

Связь теории общественного договора с республиканскими идеями возникнет гораздо позже – во времена Жан-Жака Руссо^{141, 142}.

Вместе с тем даже у монархистов теория общественного договора содержала подрывные положения в отношении монархии. Договорная природа происхождения государства предполагала ответственность за нарушение любой из сторон содержания договора. В том случае, если договор нарушали граждане, по отношению к ним применялись карающие статьи закона. Но как быть, если нарушителем договора оказывался монарх? Согласно с теорией, договор-

ные обязательства в отношении него со стороны народа переставали действовать. И тогда, как полагал Локк, народ имеет право на восстание.

Для религиозного понимания восстание против помазанника Божьего¹⁴³ являлось и восстанием против Бога. Хотя ещё во второй половине XVI – начале XVII века монархомахи в Европе обосновывали право убийства тирана, отступившего от Божественных заповедей. Являясь царем, то есть фигурой сакральной, хотя и сдвинувшим систему государственности в сторону секулярности, Пётр I принять теорию общественного договора в полном объёме вряд ли мог. Нет ни одного прямого указания на апелляцию к ней в рамках властного дискурса петровского времени. Россия и после петровского правления оставалась государством, исходящим из представления о Божественном, а не договорном происхождении государственной власти, но, безусловно, опосредованного влияния теории общественного договора на течение российской общественной мысли периода реформ не могло не быть. Предпринятая через пятнадцать лет после смерти Петра I попытка Верховного тайного совета («временщиков») принудить Анну Иоанновну принять «кондиции» соотносилась с европейскими идеями о договорном характере государства¹⁴⁴.

Во внешней политике теория общественного договора оправдывала межгосударственную борьбу и экспансию. Все государства, полагал Гоббс, находятся по отношению друг к другу в состоянии конфликта – явной или неявной войны. В рамках общества этот заложенный в природу человека конфликт был подавлен через установление высшей государственной власти. На мировом уровне такого установления нет. Государства, безусловно, могут заключать договоры друг с другом, но без учреждения надгосударственной власти они могут легко расторгаться, а договорные обязательства нарушаться.

Следствием посылки о врождённой установке государств на войну станет в дальнейшем идея создания Мирового правительства. Эта идея будет составлять мейнстрим западной политической мысли. Влияние фундаментальной для западной политологии теории общественного договора скажется на двух ведущих концепциях международных отношений – реализме и либерализме. С теорией соотносилась ключевая мысль концепции реализма о целевой установке государства в доминировании над другими государствами. Идея же либеральной концепции международных отношений связывалась с перспективой установления мировой гармонии через отмирание национальных государств и создание Мирового правительства.

Внешнюю политику Петра I тоже возможно было трактовать на основании гоббсовской парадигмы видения международных отношений. Если теория общественного договора действительно оказывала влияние на формирование петровского внешнеполитического курса, это вовсе не означало наличия особой империалистической доктрины Российской империи, как это преподносили на Западе. Гоббсом в то время увлекались многие политики, и Пётр I – менее других.

К гоббсовской модели внешняя политика¹⁴⁵ России и не могла быть сведена. Важнейшая роль во внешнеполитической стратегии России отводилась реализации русской миссии защиты восточно-христианского мира, что плохо корреспондировалось с гоббсовской моделью следования государств своим корыстным интересам. Между тем и Прутский, и Персидский походы Петра I мотивировались помимо геополитических задач идеологическим позиционированием покровительства восточным христианам (в первом случае находящимся под властью Османской империи, во втором – Персидской).

Теория естественного права

Связь генезиса теории общественного договора с теорией естественного права особо наглядно прослеживалась у Гуго Гроция. Голландский мыслитель, имея в виду особый интерес Петра I к Голландии, мог попасть в фокус его внимания. Человек сообразно с теорией естественного права наделен определёнными правами уже в силу самого своего рождения. Гроций даже дошёл до выдвижения положения о том, что естественное право человека имело бы место и при принятии греховной мысли о несуществовании Бога. Теоцентрическая картина мира упразднилась. Есть ли Бог или его нет, человек в любом случае обладает естественными, данными ему от рождения правами. Соответственно, и государственные институты перестали пониматься как Божье установление и выводились от человека.

Коллизия теории естественного права состояла в столкновении прав человека как свободного создания и таких же прав других людей. Выходом из этой коллизии являлось ограничение свободы человека правилами социального общежития. Регулятором обеспечения свободы каждого в рамках норм социального общежития выступало государство.

Понятно, что петровская модель государства выстраивалась далеко не по Гуго Гроцию. Положение, сообразно с которым человек наделён природно некими правами и свободами, в петровской России не получило развития. Концепт крепостного права опирался на совершенно иную философскую базу – всеобщности государственного тягла. Права давались сословным статусом и связывались с реализуемой соответствующим сословием государственной функцией.

Гуго Гроций включился в большой европейский спор о принципах морского права. Прецедентом, послужившим основанием для дискуссии, стал арест голландцами португальского судна с китайским фарфором¹⁴⁶. Гроций был привлечён нидерландскими властями для аргументации правомочности произведённого ареста. Позиция Нидерландов состояла в том, что Португалия нарушила принцип справедливости. Понятно, что трактовка того, что является справедливым, давалась в версии голландцев, и португальцы могли им противопоставить свою трактовку справедливости.

Гроций пошёл дальше поставленной перед ним задачи. Он с апелляцией к естественному праву заявлял принцип «свободного моря». Приверженность этому принципу демонстрировала Голландия. Основным оппонентом ей выступала Англия, отстаивавшая распространение на морские пространства системы суверенитетов¹⁴⁷. Вероятно, Петру I, как правителю новой морской державы, была более близка позиция Голландии.

Гуго Гроций развивал идею о праве государств на справедливую войну. Основаниями для справедливой войны он считал самооборону, возмещение ущерба и наказание за совершённое злодеяние. Вторая и третья причины позволяли считать справедливыми не только войны оборонительные. В рамках активной внешней политики, которую вёл Пётр I, выдвигаемое Гроцием право на войну могло быть идеологически востребовано. Так, к войнам с Турцией в контексте сложившейся традиции вполне подходило обоснование наказания за совершённые злодеяния.

Гуго Гроций имел огромную популярность в Европе, утраченную в последующие столетия, его книга «О праве войны и мира»¹⁴⁸ занимала по степени известности в европейских странах второе место после Библии. Трактат, увидевший впервые свет в 1625 году, был к 1775 году переиздан 77 раз. Так что вероятность знания трудов Гроция при дворе Петра I была достаточно высокой.

Теория естественного права могла прийти в Россию в изложении Христиана Вольфа¹⁴⁹, который был для своего времени крупнейшим систематизатором и популяризатором фило-

софского знания. По обвинению в атеизме он в 1723 году был изгнан из Галле, однако по прошествии двух лет, в 1725 году, становится почётным членом только что учреждённой Петербургской академии наук и художеств. Это означает, во-первых, что в Петербурге сквозь пальцы смотрели на обвинения в атеизме и, во-вторых, знали Вольфа, а соответственно, и распространяемые им взгляды.

Влияние Пуфендорфа

Труды Самуэля фон Пуфендорфа были переведены на русский язык и изданы в России при личном кураторстве Петра I. Непосредственно подготовку к изданию его сочинений осуществлял иеромонах¹⁵⁰ Гавриил (Бужинский)¹⁵¹, петровский панегирист, впоследствии епископ Рязанский и Муромский. Ещё при жизни Петра I увидели свет изданные в Петербурге на русском языке книги Пуфендорфа «Введение в историю европейскую»¹⁵² в 1718 году и «О должностях человека и гражданина» в 1724 году¹⁵³.

Самуэль Пуфендорф сегодня, к сожалению, выпал из истории мировой общественной мысли, хотя для своего времени влияние его было огромно. Пуфендорфа считают, к примеру, одним из основоположников международного права как особой научной дисциплины. Он один из первых дал определение понятия «культура», насчитывающее сегодня сотни вариантов, служащих основаниями для различных подходов в культурологическом дискурсе. Был известен Пуфендорф и как автор исторических трудов, занимая одно время пост официального историографа при дворе шведского короля Карла XI в Стокгольме, но особая его роль в перспективе развития общественных представлений Нового времени состояла в отделении права (в версии теории естественных прав человека) от теологии.

После Пуфендорфа теократическая система модели государственности не могла более признаваться состоятельной. В этом отношении издание его трудов в России, особенно книги «О должностях человека и гражданина», могло иметь далеко идущие последствия. Право вне зависимости от религии, утверждал Пуфендорф, должно соотноситься с разумом. Религия в новой конструкции для функционирования государства оказывалась более вообще не нужна.

Отказывался Пуфендорф от религии и при объяснении происхождения государства, встав на позиции теории общественного договора и связав её с теорией естественного права. По своему естественному состоянию, полагал он, люди эгоистичны, но именно эгоизм заставляет их объединяться в государства, так как только таким образом достигается безопасность. В основании государства по Пуфендорфу лежат два договора: один между людьми об объединении в единую общность и избрании формы правления, другой – между ними и избранным правителем об обязанностях договаривающихся сторон. На основании второго договора часть естественных прав не отрешается от человека, но присущая ему естественная свобода при создании государства учреждается, и оно получает право насилия над людьми в целях достижения общего блага.

Таким образом, Пуфендорфу удалось соединить в рамках целостной концепции все три ключевые идеи своего времени – естественное право, общественный договор и общее благо. И все эти идеи в пуфендорфовском изложении были известны Петру I.

Пуфендорф при этом не разрывал с религией. Бог ставился им в центр бытия и определялся причиной всего сущего («крайнейшей всех вещей виной»¹⁵⁴, но он был лютеранином и критиковал в своих трудах Католическую Церковь. Критике католицизма была, в частности, посвящена одна из глав книги «Введение в историю европейскую». Изданная в России, она в этом смысле являлась не просто приобщением к европейской философии, но и антикатолическим памфлетом, что могло стать дополнительным фактором внимания к ней русского государя.

Направляя на перевод книгу Пуфендорфа, Пётр I указывал, что в ней содержатся два трактата «...Первый о должности человека и гражданина, другой о вере христианской, но требую, чтобы первый токмо переведен был». Вероятно, государя привлекала именно светская философия немецкого мыслителя, тогда как переводить на русский его религиозные идеи, связанные с лютеранством, он считал, вероятно, неуместным для России. По-видимому, Пётр I

глубоко изучил произведения Пуфендорфа, о чем свидетельствует неудовлетворенность его русским переводом извлечения из «Введения в историю европейскую»¹⁵⁵. Прочтя перевод, государь потребовал издать книгу немецкого философа в полном объёме.

Мода на Пуфендорфа охватывала в петровское время всё российское образованное общество. Его книги на разных языках имелись в каждой крупной библиотеке. Видный сподвижник Петра I князь Д. М. Голицын¹⁵⁶ сам переводил Пуфендорфа. Нелишне здесь напомнить, что Голицын будет впоследствии составителем «Кондиций», которые должна была подписать Анна Иоанновна и что должно было стать правовой основой перехода к конституционной монархии. Конституционалистские взгляды князя формировались под влиянием европейской философии, и сам конституционалистский проект являлся её логическим развитием при перенесении в Россию¹⁵⁷.

Согласно исследованиям профессора церковного права Е. Н. Темниковского, в изданный в форме царского манифеста духовный регламент 1721 года были включены положения из сочинений Пуфендорфа. Разработчиком регламента являлся, как известно, Феофан Прокопович, симпатизировавший новым течениям европейской мысли и представлявший «протестантскую» партию. Включение идей лютеранского мыслителя в регламент управления Православной Церковью может показаться неслыханным произволом со стороны иерарха. Как минимум, такой шаг даже для последних лет петровского правления грозил скандалом. Однако, учитывая глубокие знания Петром I трудов Пуфендорфа, такое привнесение не могло состояться без его ведения. Государь, очевидно, был в курсе использования в духовном регламенте идей лютеранского мыслителя, что только подтверждает тезис о протестантской составляющей петровского церковного реформирования.

Исаак Ньютон

Петру I во время его пребывания в Англии во время Великого посольства приписывают встречи с Исааком Ньютоном, Кристофером Реном¹⁵⁸, Эдмундом Галлеем, Френсисом Ли, хотя прямых документальных подтверждений не существует.

Встреча, а возможно, и – встречи, Петра I с Исааком Ньютоном были весьма вероятны¹⁵⁹,
160.

Обычно английский учёный ассоциируется с физикой и формированием механистической картины мира. Но на время петровского посольства Ньютон был и крупной административной величиной – министром финансов и хранителем Монетного двора. Заняв этот пост, он прежде всего изучил технологию изготовления монет. Дело в том, что Англия, впрочем, как и вся Европа, сталкивалась в те годы с острой проблемой фальшивомонетчества. Изменение при Ньютоне системы чекана сделало фактически невозможной фальсификацию монеты, привело к победе над инфляцией и, соответственно, обеспечило английский экономический прорыв.

Этот опыт не мог не заинтересовать Петра I. Находясь в Англии, он трижды посещал Монетный двор. Известно, что Ньютон был оповещён о планируемом визите царя и вряд ли мог проигнорировать венценосную особу. А в 1700 году после возвращения Петра I из-за границы монетная реформа была проведена и в России. Одной из её важнейших компонент стало использование ньютоновской технологии чекана. Фальшивомонетчество было в семнадцатом столетии бичом для Московского царства, став при Алексее Михайловиче одним из главных факторов Медного бунта. Проведённая Петром I реформа позволила выдержать финансовую нагрузку двадцатилетней Северной войны.

В пользу факта личного знакомства Петра I и Ньютона говорит и то, что при выходе в 1713 году второго издания «Математических начал натуральной философии» английский учёный направил книгу царю. Причём Пётр I являлся первым из адресатов в ньютоновской рассылке. Вероятно, государь был знаком с книгой английского учёного, знал его взгляды.

С Ньютоном принято связывать не просто конкретные открытия в разных сферах знания, но и формирование новой картины мира, условно определяемой как механистическая. Он полемизировал с картезианцами, ищущими первоэлементы и первопричины. Ньютон апеллировал исключительно к опыту. Впоследствии стал мемом знаменитый его ответ: «гипотез не измышляю», направленный непосредственно против картезианской позиции. Суть ньютоновской полемики с картезианцами заключалась в отрицании метафизики, которая лежала в основе системы Декарта. Следующим шагом отрицания метафизики являлось отрицание религии. Ньютон этот шаг не сделал, но задавал соответствующее направление. Ставка на опыт и отрицание метафизики могла понравиться Петру I и соответствовала его ментальному складу.

Сам же Ньютон не только не отрицал веры в Бога, но и был автором богословских сочинений. Существует даже понятие «ньютонианство», представляющее особое направление в религии. Будучи рационалистом, Ньютон на этой основе подходил и к религии. Ещё со времен Френсиса Бэкона¹⁶¹ широкое распространение получила метафора двух книг – книга о мире духовном и книга о природе. Ньютон принимал это разделение и считал недопустимым проводить их смешение.

За проведение этого смешения он обличал Декарта и Лейбница. Более того, их последователей Ньютон обличал в еретичестве, уходящем к гностицизму и платонизму. Религиозных мистиков и метафизиков он считал даже большими грешниками и врагами подлинной веры, чем атеистов. Мистические видения монахов Ньютон интерпретировал как галлюцинации. Серьёзное внимание уделял он происхождению библейских текстов, полагая, что в первые века христианства Библия была сфальсифицирована приверженцами гностицизма.

Резко негативно относился Ньютон и к Католической Церкви. По его мнению, она впала в идолопоклонство и отступила от христианства. Антикатолицизм Ньютона соотносился с позиционированием Англии и совпадал с интересами Англиканской церкви. На время преподавательской деятельности Ньютона лояльность к англиканству и антикатолицизм являлись обязательными.

Но Ньютон переступал и догматы англиканства. Большинство исследователей склоняются к оценке его как антитринитария, последователя арианского учения¹⁶². Ньютон не признавал догмат о Троице. Он считал, что концепт о троичности Бога являлся измышлением гностиков. И в своих арианских воззрениях Ньютон в английской ученой элите не был одинок. На источники происхождения антитринитарских воззрений Ньютона мнения исследователей расходятся. Некоторые учёные считают, что в основе их – учение Фауста Социна^{163, 164} (социнианство)¹⁶⁵.

По мнению экономиста Дж. Кейнса, собирателя рукописей Ньютона, антитринитаризм – есть следствие приверженности учёного иудаизму в духе школы талмудиста Маймонида. Несмотря на свои еретические взгляды, Ньютон под преследования не попал. Его рационалистический взгляд на религию, отрицание мистики, критическое отношение к монашеству могли повлиять на развитие соответствующей дискурсивной линии в петровском круге.

Помимо всего прочего Ньютон горячо увлекался алхимией. Он и умер, как полагают исследователи, получив отравление во время очередного алхимического опыта. Но алхимия Ньютона, в отличие от многих эзотериков, была подчинена вполне рациональной задаче. Он исходил из представлений о единстве материального мира, что должно было означать потенциальную возможность превращения одного металла в другой. Такие превращения могли быть доказаны в случае успеха алхимических опытов. В петровской России широкого увлечения алхимией не выявлено, едва ли не исключительным примером могут считаться изыскания шотландца на русской службе Якова Брюса, имевшего репутацию колдуна и чернокнижника.

Джон Локк

166

Старшим современником Петра I являлся признанный основоположник либерализма и конституционализма Джон Локк. Он представлял, если брать его политические идеи, иной фланг общественной мысли, чем тот, к которому тяготел царь. Казалось бы, их позиции несовместимы. Локк выступал за ограничение властных прерогатив монарха, реализацию принципа разделения властей, ставя при этом законодательную выше исполнительной, свободу индивидуума, веротерпимость, отстаивал безусловность права частной собственности. Общественно-ведческие концепты, которые разрабатывал для Петра I Феофан Прокопович, напротив, были направлены на обоснование власти монарха – «правды воли монаршей», но основа и язык оставались общими – теории общественного договора и естественного права.

Было в учении Локка и то, что мог принять Пётр I. Речь, в частности, шла о локковской идее гармоничного воспитания. Английский философ говорил о пяти компонентах воспитания джентльмена: физическом, умственном, религиозном, нравственном и трудовом. Под нравственным воспитанием понималась выработка у учащегося навыков отказывать себе в удовольствиях, следовать всегда разуму, а не желаниям. Локк полагал, что трудовое воспитание, заключавшееся в овладении ремеслами, необходимо для человека любого статуса, труд должен блокировать привычки к праздному образу жизни. Локк минимизировал в своей педагогической системе занятия поэзией, чему уделялось большое внимание в образовательных учреждениях дворянской элиты семнадцатого столетия, усиливая практическую компоненту обучения. Он был против чрезмерного внедрения в обучение латинского языка, что являлось пережитком папского влияния. И если посмотреть на педагогические идеи Петра I, они оказываются фактически идентичны локковским подходам. Известно, что идеи Локка в педагогике были действительно заимствованы и получили в России дальнейшее развитие.

Да, Локк – либерал, являлся сторонником веротерпимости, но считал, что действия принципа свободы веры должны быть ограничены. Веротерпимость, согласно его взглядам, не должна распространяться на атеистов и католиков. При таком ограничении о свободе в отношении к религии речи идти не могло. Можно было выбирать веру, но не являться неверующим. Правовая дискриминация католиков определялась представлением Локка, что подчинённые власти папы являются угрозой для любого национального государства. Объединение под властью Католической Церкви оказывается государством внутри государства, что может привести к самым негативным последствиям. Фактически Локк предупреждал о возможности осуществления через католицизм системы внешнего управления.

Широко известна выдвинутая Локком метафора о человеке как *tabula rasa* – «чистой доске». Она была связана с развиваемой философом теорией познания и критически направлена против доминировавших ранее идей Декарта о «врождённых идеях»¹⁶⁷. Картезианский подход опирался, в свою очередь, на средневековый взгляд, развиваемый, в частности, Августином Блаженным¹⁶⁸, о том, что Бог помещает «вечные идеи» в душу человека. Источником концепта о врождённых идеях в античные времена являлась теория Платона о «знании как припоминании» душой того, что было до её телесного воплощения. Отрицание Локком врождённых идей встраивалось в общую линию секуляризации общественной мысли.

Петру I, ставящему перед собой задачу создания новой системы, действующему как бы «с чистого листа», эта идея могла быть по вкусу. Локк подводил к возможности разрыва с традицией. И Россия при Петре I баланс между традицией и новациями нарушала.

Готфрид Лейбниц

169

Из всех крупнейших европейских мыслителей конца XVII–XVIII века особняком (применительно к рассмотрению темы) стоит фигура Готфрида Лейбница. Дело в том, что немецкий философ не просто интересовался Россией, её историей, этническим составом, но и работал непосредственно на российского государя, получал от него зарплату. Перед ним Петром I была поставлена задача создания системы образования в России в соответствии с европейским опытом. Философ придерживался в педагогике идей, выдвинутых чуть ранее чешским просветителем Яном Амосом Коменским, предполагая их к практической реализации.

Можно считать, что с идеей Лейбница началось внедрение в России немецкой классической модели образования. Особая роль в развитии образования в России отводилась, соответственно с его замыслом, миссионерам-евангелистам¹⁷⁰. «Начать, – писал он ещё в 1699 году, – следует с немецких школ, которые потом распространились бы далее под покровительством государя, ибо известно, что царь ничего более не желает, как чтобы подвластные ему народы усвоили себе образование остальной Европы». Главную угрозу для реализации этого проекта Лейбниц видел в смерти государя. Тогда, полагал он, у русских может возобновиться прежняя ненависть к иностранцам, которым Пётр I покровительствует.

Именно Лейбницу принадлежала идея создания Российской Академии наук, которую он хотел возглавить. Россия воспринималась им в перспективе будущих преобразований, как «чистая доска» или «непаханое поле». В этом смысле он не признавал наличия особых русских национальных традиций, считая их проявлением варварства. Мысль о России, как «чистой доске», он пытался внушить и Петру I. По заказу российского царя учёный собрал и обобщил всё, что было известно о славянских народах на Западе. В более поздние времена это называлось бы славистикой или русистикой.

В. И. Герье¹⁷¹, специально исследовавший русскую тему в биографии Лейбница, следующим образом объяснял взгляды философа: «Лейбниц один из первых стал смотреть на Восток не глазами только христианина, который ищет там мест, дорогих для его религиозных воспоминаний, но глазами человека, который желал бы перенести туда благодетельные цивилизации, освободить народы, погибающие под гнетом варварского деспотизма, вызвать их к политической жизни и ввести в общую семью народов, трудящихся для цивилизации».

С Лейбница берёт начало третий период в великом состязании Европы с Азией – период борьбы за успехи и торжество цивилизации, борьбы не истребительной и бесплодной, как религиозные войны, но оживляющей и призывающей к возрождению народы Востока». Очевидно, что позиция Лейбница была европоцентристская и Восток, в который включалась и Россия, рассматривался миром отсталости. Восточные народы, включая русский народ, следовало освободить от укоренённой у них деспотии.

Первоначально Лейбниц крайне критически и враждебно относился к России, присоединяясь к многочисленной группе европейских русофобов. Он призывал не допустить того, чтобы московиты взяли верх над Польшей, что, по его мнению, означало бы пустить варваров в Европу. М. М. Филиппов, – один из исследователей русской темы в биографии философа, следующим образом излагал его взгляды: «Москва на польском престоле будет, по словам Лейбница, второй Турцией, и, избрав московского царя, Польша откроет дорогу варварству, которое подавит европейскую цивилизацию. Это было написано в 1669 году. Шестнадцать лет спустя взгляды Лейбница значительно меняются. В 1695 году он под влиянием слухов о Петре I уже замышляет устроить союз между Бранденбургом и Московским царством»¹⁷².

С начала «Великого посольства» Лейбниц ищет встреч с российским государем и их находит. Русофобские высказывания больше не произносятся. Лейбниц рассчитывал, что русский царь, желающий европеизации, может стать его спонсором (как в дальнейшем Екатерина II будет спонсором Вольтера)¹⁷³. И когда европейское мнение было на стороне Карла XII в Северной войне, Лейбниц отказывался осуждать Петра, указывая, что он ведёт Россию по пути европеизации.

После победы русской армии над шведами под Полтавой Лейбниц делится в частном письме следующими рассуждениями: «Говорят обыкновенно, что царь сделается опасным для Европы и будет нечто вроде северного турка, – немецкий мыслитель фактически оппонирует собственным взглядам сорокалетней давности. – Но можно ли помешать ему цивилизовать своих подданных и сделать их более воинственными – кто пользуется своим правом, не совершает несправедливых поступков. Что до меня, то я стою за благо всего человечества; я очень рад, что такое обширное царство идёт по пути разума и порядка, и смотрю на царя как на лицо, которое Бог предназначил для великого дела. Он уже успел создать себе отличное войско... Я был бы в восхищении, если бы мог содействовать его намерению перенести науки в его царство. Я нахожу даже, что он в этом отношении может достигнуть лучших результатов, чем другие государи, бывшие до него»¹⁷⁴.

Лейбниц понимал метафизику, как причину всего сущего. У всего существующего должна быть причина, его порождающая, а у несуществующего не может быть и причины. Рассуждения в этом направлении приводили к выводу о Первопричине, под которой понимался Бог. В целом немецкая метафизика окажется ближе для зарождающейся русской философской мысли, нежели английский эмпиризм. Известно, какую роль немецкая классическая философия сыграет в становлении русской философии. Однако ещё до Канта, Гегеля и Фихте на формирование русской философии оказал влияние Готфрид Лейбниц. Несмотря на это, русская метафизика оказалась совершенно иной, нежели немецкая. Там, где у немцев была первопричина или познающий Разум, у русских была поставлена Любовь.

Другая составляющая философии Лейбница – идея единства в разнообразии – также нашла отражение в фундаментальных основаниях русской мысли. Он рассуждал, что можно восхищаться различиями и принимать их, но только если эти различия соединяются в едином. Русская мысль так же развивалась как мысль холистская, а тема единства во множественности, восприятия России как мира миров, была ключевой в социальном и государственном строительстве. В петровское время лейбницевский холистский подход перекликался с концептом государства всеобщего блага.

Методология соединения различия в едином использовалась Лейбницем в идее объединения христианских церквей. Философ был крайне увлечён этим проектом. В то время, когда отношения между католиками и протестантами имели характер конфронтационный, а религиозные меньшинства в соответствии с принципом Аугсбургского исповедания¹⁷⁵ «чья страна – того вера»¹⁷⁶ подвергались системным преследованиям, идея объединить церкви носила революционный характер. Принять её европейские монархи вряд ли могли. И Лейбниц, вероятно, рассчитывал, что поддержать такой проект сможет Пётр I, стремившийся к европеизации и заинтересованный более других в преодолении религиозного разъединения.

Камерализм

177

Считается, что Пётр I опирался в своей реформаторской деятельности на получившую распространение в странах Европы, в том числе в Швеции, теорию камерализма. Впрочем, теорией камерализм как раз и не являлся. Камералисты были управленцами-практиками, отрицающими чрезмерную, как им казалось, концептуализацию учёных – теоретиков, схоластов. В то время среди камералистов, в отличие от философов, не было людей духовного звания.

На наличие двух автономных групп влияния на формирование экономической мысли XVII–XVIII веков указывал в «Истории экономического анализа» Й. Шумпетер. Исследователь из МГУ И. Г. Чаплыгина¹⁷⁸ так охарактеризовала различия этих двух направлений: «Первым различием является априоризм, который в значительной степени сохранялся в рамках традиции естественного права и в дальнейшем получил развитие в виде аналитических методов классической политэкономии. Этот априоризм противостоит прикладному характеру камеральных наук, отсутствию у них интереса к теории как таковой, к раскрытию общих универсальных законов на основе логических выводов из базовых постулатов. Вторым различием является отношение к естественной природе человека: если камералисты заботились о перевоспитании человека, то сторонники традиции естественного права – о создании системы права, которая бы использовала естественные свойства человеческой натуры на благо всего общества. Это различие можно интерпретировать как различие между патриархальной системой отношений, основанной на добродетельном поведении, и новой системой правовых отношений, не требующих от человека иных моральных совершенств, кроме следования установленному закону. Третье различие касается принципов регулирования экономики. Сторонники традиции естественного права стремились разработать универсальную систему законов, которая бы могла быть введена однажды и больше не требовала значительных корректировок, создав автономно действующий экономический механизм. Камералистам было чуждо это понятие механизма. Их управление носило ручной характер. Причины этого различия кроются в отсутствии у камералистов идеи универсальных законов, а также в разном понимании природы общего блага и его связи с индивидуальным благом»¹⁷⁹.

Наиболее известны имена камералистов – современников Петра I: Ф. Л. фон Зекендорфа¹⁸⁰, Г. К. фон

Карловица¹⁸¹, П. Я. Марпергера¹⁸². Немецкий экономист и путешественник Пауль Марпергер побывал в России и выпустил в 1705 году подробное справочное издание в камералистском ключе – «Московитский купец». Одновременно у него вышла книга, представляющая страну – противника России в Северной войне – «Шведский купец»¹⁸³. В 1723 году книга «Московитский купец» была переиздана в исправленном и доработанном варианте.

Нельзя сказать, что Пётр I отдавал предпочтение камерализму или философии естественного права. Вопреки их дифференциации Й. Шумпетером в России соответствующего разделения не было. Философы естественного права, такие как Г. Лейбниц, могли привлекаться под практические задачи и наоборот.

Философия истории: теория круговорота

Теория прогресса не всегда являлась доминантой философии истории. Нельзя думать, что дискуссия сводилась исключительно к оппонированию сторонников теории прогресса и сдающих свои позиции сторонников теории регресса. Так, широкой популярностью в раннее Новое время пользовались концепции истории, представляемые в виде исторического круговорота. Не прогресс и не регресс, а круг определял логику истории.

Такого рода концепции были включены и в российский интеллектуальный дискурс. Был знаком с ними, а возможно, и разделял их и государь Российский. Естественно, что Россия в тех версиях, которые доводились до царя, оказывалась финальным пунктом исторического круга, преемником прежних государств с мировой исторической ролью. В логике исторического круга, или исторической квадратуры, указывались, как правило, четыре мировые империи.

С большой долей вероятности свое видение истории представил царю бывший молдавский государь Дмитрий Кантемир¹⁸⁴, являвшийся важной фигурой в формировании петровской идеологии¹⁸⁵. Согласно его представлениям, в истории приходят друг другу на смену четыре мировые монархии. Круговое движение начинается на востоке и заканчивается на севере. Восточную монархию, Персидскую, меняет южная монархия – империя Александра Македонского, а ей на смену приходит западная монархия – Римская. После западной монархии настанет время монархии северной – ею является Россия. Она, в логике Кантемира, должна воспринять то положение мирового центра, которое принадлежит монархии Запада.

Теории мирового исторического круговорота придерживался и Готфрид Лейбниц. Его коммуникации с царем позволяют также считать вероятным, что с ним он поделился и своей исторической концепцией. То, что именно Россией заканчивался исторический круговорот, позволяет думать о разработке Лейбницем этой концепции именно с целью презентации её Петру I. Ход мировой истории начинался в Греции, передающей эстафету Риму. Далее приходит черед Европы, понимаемой в границах западного мира. И, наконец, как и в концепции Кантемира, должен прийти исторический черед России.

Новый мировоззренческий дискурс: деизм, пантеизм, атеизм

В петровское время в Европе, в противоречие с прежними теоцентрическими представлениями, получили распространение новые мировоззренческие концепты – деизм, пантеизм, атеизм¹⁸⁶. С ними велась борьба с позиций традиционных церквей, но они, несмотря на запреты, приобретали всё большую популярность. Деизм рассматривал Бога как Первопричину, ограничивал его роль положением демиурга. Деисты отрицали сакральность религиозных книг, религиозные догмы и обряды, сообщения о чудесах. Пантеизм растворял Бога в природе. Из этого растворения следовал тезис о необходимости опираться на естественное состояние, как состояние Божественное. Теория естественного права имела в этом смысле очевидные пантеистические истоки. Наконец, атеизм отрицал Бога как такового. Философскую основу атеистических воззрений составлял материализм.

Кем в этом спектре воззрений рубежа веков являлся Пётр I? Очевидно, что он не был атеистом. Царь и в указах, и личной корреспонденции обращался к Богу. Не был он и пантеистом, хотя и апеллировал к теории естественного права. Пётр I говорил именно о живом субъектном Боге, а не о разлитом в природе Божественном духе. Не являлся царь и деистом. Он апеллировал к Божьему заступничеству и покровительству, верил в Провидение. Соответственно, и понимание им Бога не могло сводиться, как у деистов, к Первопричине¹⁸⁷.

Пётр I и масоны

В антипетровской литературе император часто обвиняется в том, что он будто бы вступил в масонский орден и основал первую ложу в России. Иногда посвящение Петра в масонство связывают с будто бы представлявшими орден Гордоном, Лефортом или Брюсом. Никаких исторических оснований для выдвижения версии о том, что царь-реформатор являлся масоном, не имеется. Он и не мог быть посвящённым в масонство, так как во время его первого путешествия по Европе в 1697–1698 годах масонство ещё не существовало. Учреждение масонской Ложи-матери в Англии совпало с его вторым европейским путешествием 1716–1717 гг., но Пётр во время этого визита Лондон не посещал, а на тот момент вне Английского королевства масонов ещё не было.

Принято считать, что в России первая масонская ложа¹⁸⁸ была создана только в 1731 г. шотландским генералом на русской службе Джеймсом Кейтом¹⁸⁹. Пётр знал о генерале и приглашал его в Россию, но тот отказался, не желая воевать против Карла XII. На русскую службу в чине генерал-майора Кейт поступил только в 1728 г. Он занимал ведущие военные посты, выполнял дипломатические поручения. В 1740 году он даже становится гетманом Малороссии, являясь одновременно назначенным английской Ложей-матерью великим провинциальным мастером для России. Во время Семилетней войны он уже служил у Фридриха II¹⁹⁰, но всё это будет позже. Элита Российской империи действительно окажется затянута в масонские сети, что станет большой проблемой ввиду коллизии между подданством государству и подданством ордену. Но при Петре I всего этого ещё не было.

Отсутствие масонства в петровской России не означает, что не могли существовать иные закрытые общества. Сообщается о наличии некоего «Нептунова общества», в которое входил Пётр I. Ключевую роль в нем занимал шотландец Яков Брюс. Но с большой долей вероятности можно говорить, что это была некая игра в тайный орден по типу Всешутейшего собора. Того значения, как на Западе, тайные общества в России в начале XVIII века не имели. Не было, соответственно, и такого же, как в Европе, увлечения эзотерикой.

Внешнеполитический контекст – война Священной лиги

Был ли прав Пётр I, переориентировавшись от борьбы против Османской империи на борьбу с Швецией? Традиционно считается, что прав. Он, согласно принятой версии, организовал «Великое посольство» с целью поиска новых союзников для продолжения войны с Турцией, но таковых не нашел. При взгляде на маршрут путешествия Петра I возникает сомнение, что в северной части Европы он в принципе мог таких союзников отыскать. Нидерланды ожидаемо предложение царя отклонили. Посещение же Вены мало что давало – Священная Римская Империя и так являлась союзницей в войне, как и Венеция, куда Пётр I планировал попасть, но не смог, так как вынужден был прервать свое турне ввиду поступившего известия о восстании стрельцов¹⁹¹. Для поиска союзников против Турции ему, очевидно, надлежало бы выбрать иной маршрут. Да и война после взятия Азова в 1696 году ещё далеко не окончилась. Война идёт, а русский царь отправляется в длительное путешествие по Европе. Очень всё странно. Надо думать, что решение о свёртывании военных действий на юге и переориентации геостратегически на север он принимает ещё до «Великого посольства».

Тяготило, по всей видимости, царя и членство России в основанной римским папой Иннокентием IX¹⁹² Священной лиге¹⁹³. Помимо России в лигу входили Священная Римская империя, Венецианская республика¹⁹⁴ и Речь Посполитая¹⁹⁵.

Само название – Священная лига – указывало, что союз носит характер идеологический. Фактически имела место реминисценция крестовых походов. Всё это нравилось Василию Васильевичу Голицыну, но не нравилось Петру I.

И Крымские походы В. В. Голицына, и Азовские походы Петра I – всё это была действительно одна война. В историографии она носит название Великой Турецкой войны. В наших учебниках почему-то при описании Крымских и Азовских походов сама война, в рамках которой они предпринимались – Великая Турецкая, не упоминается. И такое умолчание создает деформированное видение разворачивавшихся политических процессов.

Истоки Великой Турецкой войны были религиозные. Ещё с середины XVI века Римская церковь пыталась выстроить в европейских государствах политику Контрреформации. Она не была снята с повестки и к концу XVII столетия. Борьба между католиками и протестантами по-прежнему составляла нерв европейской истории. Политику Контрреформации активно проводил на своих территориях и император Священной Римской империи Леопольд I¹⁹⁶ (1658–1705), одновременно являвшийся королем Чехии и Венгрии.

Религиозные притеснения возмущали протестантское население Священной Римской империи, вызвав, в частности, национально-освободительное движение венгров-протестантов, возглавляемое венгерским дворянином, кальвинистом Имре Текели. Ему удалось утвердиться на части территории Верхней Венгрии, удерживать которую в длительной перспективе он вряд ли мог. Многие венгры-протестанты мигрировали в Трансильванское княжество, находившееся в вассалитете к Османской империи. Текели рассудил, что спасти протестантизм в Венгрии в сложившихся условиях возможно путём привлечения внешней силы, которую находил в Турции. Направившись в Стамбул, он убеждал турецкого султана оказать помощь. Провозглашение им в 1682 году вассалитета по отношению к Османской империи фактически означало начало войны между Турцией и Священной Римской империей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.